

Мой любимый детектив

Елена Арсеньева

Отражение
в мутной воде

Елена Арсеньева

Отражение в мутной воде

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Отражение в мутной воде / Е. А. Арсеньева — «Автор»,

ISBN 5-699-14096-4

Внезапно жизнь молодой журналистки Тины Донцовой превратилась в охоту, где она выступает в качестве добычи, жертвы, гонимой беглянки. Гибнут друзья, дающие ей приют, а самые безобидные люди на поверку оказываются врагами, не знающими жалости. Многое и многих придется пережить Тине, пока она не узнает, что перешла дорогу международной преступной организации, рядом с которой знаменитый сицилийский «Спрут» – просто безобидная золотая рыбка. Как избавиться от гнета смертельной опасности? И можно ли вообще избежать судьбы, которая, как известно, неотвратима?..

ISBN 5-699-14096-4

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Елена Арсеньева

Отражение в мутной воде

Все персонажи этого романа вымышлены. Совпадения с действительностью носят случайный характер.

Его убили у нее на глазах, а она ничего не могла сделать, чтобы спасти ему жизнь.

Стоял апрель, больше похожий на март, и легкий зеленый пух, принарядивший склоны холма Сакре-Кер, словно бы задумался в нерешительности: а какой вообще смысл зеленеть, когда кругом такой холодище? Лиловые крокусы на клумбах подрагивали и ежились от порывов северного ветра. Однако тот же ветер в два счета размел серую мглу, скопившуюся за день над городом, и Париж теперь мерно колыхался далеко внизу, точно содержимое огромной драгоценной чаши, из которой можно вечно пить вино восторга.

Народу под стенами храма собралось, как водится, море, однако Тина разглядела знакомую замшевую куртку с пижонскими заплатами на локтях. Да, это был Валентин.

Стоит над обрывом и смотрит, как старик кормит птиц. Сытые, ленивые парижские голуби тучами слетались к вытянутой морщинистой руке, наперебой хватали с ладони хлеб, взмывали ввысь, опять опускались, кружили над стариком, умильно кося черными бусинками глаз... По всему краю откоса торчали, истово вытянув руки и завистливо поглядывая на счастливец, туристы, желавшие испытать удачу, однако птицы, словно заколдованные, облетали их ладони, полные корма, стремясь лишь к одной. И в конце концов туристы смирялись, отдавали свой хлеб старцу, а сами скромно толпились в сторонке, созерцая непостижимое: стая птиц спускалась с небес, чтобы поклевать хлеба из одной-единственной ладони.

– А может, он и есть Сен-Дени? – предположил какой-то мальчишка, обратившись к своему приятелю, когда, наглазевшись вдоволь, они двинулись извилистой лестницей к изножию холма, где играла-переливалась огнями нарядная, словно бы игрушечная, карусель.

Валентин посмотрел им вслед, а Тина вдруг поняла: она знает, о чем *он* думает. Он думал о святом Дени, который со своим разорванным ударом ножа сердцем сумел дойти до парижан и предупредить их о нападении врагов. Потом он умер на этом холме. Там, на вершине, теперь и стоит великолепный храм Божий, белый, как мечта, как сон, как призрак, и назван он Сакре-Кер – разбитое сердце...

Лицо у Валентина было какое-то странное. Черты словно бы заострились, стали резче, четче. Тяжелая выдалась командировка, что так исхудал? Тина даже усомнилась, он ли это.

И в этот миг она увидела девушку.

Девушка была довольно высокая, худая, прелестно-угловатая, с раскосыми карими глазами на маленьком пикантном личике. Ее блестящие волосы лежали плотно, как вороново крыло, открывая высокий умный лоб с иронично вскинутыми бровями. Девушка стояла у входа в храм и разглядывала двух молодых арабов, которые плели на заказ модные косички всем желающим. Причем делали они это с непостижимой быстротой: пропускали прядь в отверстие какой-то картонки, потом сновали туда-сюда чем-то вроде челночка, мелькая разноцветными нитками-заплетушками, – и вот, пожалуйста: среди локонов торчит косенка, похожая на пружинку!

Целый класс длинноногих крикливых школьниц-американочек изукрасил себя хитом нынешней весенней моды, и арабы приглашающе замахали девушке, на которую смотрела Тина. Однако та лишь покачала головой, еще выше вскинув свои гибкие брови, и запрыгала вниз по ступенькам. На ней были грубые башмаки на толстой подошве, а подвернутые носки, как вдруг заметила Тина, разноцветные: один зеленый, а другой красный.

Словно светофор. Словно «да» и «нет».

Валентин тем временем отошел от края обрыва и свернул в одну из боковых аллеек, где притулилась скамеечка под сенью вечнозеленого дрека. Там он и сел, поставив рядом с собой большой светло-коричневый портфель. Откинулся, вытянул ноги. Турист, утомленный долгим днем. Однако блаженная расслабленность была лишь в его позе, а лицо по-прежнему оставалось напряженным – в уголке рта мелко-мелко подрагивал мускул. Валентин смотрел на пышную, опушенную желтыми цветами ветвь дрека, но Тина понимала, что он ничего не видит перед собой, а ждет – напряженно ждет чего-то... или кого-то.

Она опять удивилась, потому что привыкла видеть на его лице улыбочивую беззаботность, а это выражение было новым, незнакомым – и почему-то пугающим.

Девушка внезапно вышла из-за поворота аллейки и остановилась шагах в десяти от Валентина. Она склонила голову к плечу и принялась разглядывать его так внимательно, словно, как и Тина, не была уверена: тот ли это человек. А Валентин по-прежнему сидел, уставившись на желтые цветы, как бы и не чувствуя, не замечая этого пристального взгляда.

Какой-то мужчина с обритой головой, в черной куртке и черных джинсах быстро прошел по аллеике, слегка толкнув девушку, но не извинился, а скрылся за кустами. Девушка, впрочем, не обиделась. Она вздрогнула, словно очнувшись, и медленно сунула руку во внутренний карман своей короткой кожаной курточки со множеством ремешков, карманов, пряжек и заклепок. И тут Тина осознала, что ошибается: все, что казалось ей неторопливым, как бы нарочно замедленным, на деле свершалось напряженно и стремительно. Едва ли минута прошла с тех пор, как девушка со ступенек храма Сакре-Кер заметила Валентина и направилась за ним в эту уединенную аллеику. И уж совсем считанные секунды понадобились ей для того, чтобы выхватить из-под куртки пистолет.

Валентин вздрогнул, вскинул голову. Глаза его расширились, он протестующе вскинул руку, рванулся вперед... нет, только попытался рвануться. Выстрел пресек даже не движение, а попытку его.

Чуть слышный хлопок – и Валентин, бестолково взмахнув руками, отброшен на спинку скамьи, а из левого плеча его, из небольшого, с рваными краями, отверстия, которое образовалось в сером плаще, поплыла густая краснота.

Брови девушки взлетели еще выше. Она словно бы изумилась тому, что сделала. Но тотчас же лицо ее приняло будничное, сосредоточенное выражение, и, чуть высунув кончик маленького розового языка, как бы помогая себе в нелегком деле, она выстрелила еще дважды.

Валентин уронил голову на грудь, дернулся всем телом... замер. Девушка, удовлетворенно кивнув, шагнула к скамье, схватила портфель и, не взглянув на убитого, скрылась за поворотом аллейки, побежала по ступенькам, ведущим вниз, куда-то в переулки Монмартра. Нет, она не то чтобы спасалась бегством – просто по этой почти отвесной лестнице нельзя было спускаться иначе чем стремглав.

Тина провожала взглядом худую, проворную фигурку до тех пор, пока девушка не вскочила в седло мотоцикла, стоящего у подножия лестницы. Одной рукой она прижимала к себе портфель Валентина, другой нахлобучивала шлем, что-то быстро-быстро говоря бритоголовому человеку в черной куртке, который держал руль. Человек одобрительно кивнул, оглянулся, сверкнув узкими глазами на вершину холма. Мотоцикл взревел, резко с места, набирая скорость, заложил вираж, исчез среди домов...

А Валентин так и сидел, склонив голову к плечу, уставившись перед собой сосредоточенным незрячим взглядом. Кровь из трех ран уже не текла. И Тина только сейчас поняла, что он – мертв, что его убили у нее на глазах, а она ничего не могла сделать, чтобы спасти ему жизнь, – только смотрела, как убивают.

Часть первая

ТИНА

Тина вышла из палаты и сразу ощутила особую тишину, воцарившуюся в коридорчике. Три женщины, притулившись у окна, умолкли, жадно уставясь на нее.

Она поджала губы, осторожно притворила за собой дверь и неторопливо двинулась вперед. До кабинета главврача пятнадцать шагов. Подумаешь, большое дело!

Женщины глядели в упор, не сводя глаз. Да... это вам не деревенская улица. Там, бывает, услышишь вслед скрипучее:

– При-сти-тут-ка!.. – оглянешься, а и нет никого, только древняя бабуля в ватнике скорчилась на сваленных у забора бревнах. Дремлет бабуля, не говорила она ничего, да и слов-то таких не знает!

А тут – ишь, какие смелые бабенки! Словно бы и не деревенские. Впрочем, они еще молодые, они ездят в город, смотрят телевизор, читают газеты, которые годом-родом доползают до Тамбовки... они ведут себя, так сказать, цивилизованно. Нынче приличия требуют лепить правду-матку прямо в фейс. А чего там? Получи, фашист, гранату! Вроде бы именно от той полненькой, невысокой продавщицы бывшего сельпо, а по-нынешнему – мини-супермаркета «Чайка», услышала вчера Тина очередную версию своей нелегкой биографии. Оказывается, она «пришила» кого-то в городе, да и отсиживается теперь в глуши, а этот теленок Михал Михалыч повязан какой-то постыдной тайной из своего прошлого, вот и принужден расплачиваться с шантажисткой, давая ей приют. Но вот ежели Каримыч, участковый, все-таки когда-нибудь проспится и заглянет в деревню, надо ему непременно стукнуть про эту подозрительную бабенку, покуда она и тут не натворила каких-нибудь паскудных дел.

Серьезная угроза – про Каримыча-то. Михаил, конечно, отмахнется, а ведь угроза нешуточная...

Так. Тина уже отдалилась от женщин не меньше чем на пять шагов. Самое время им начинать. Приготовились... залп!

– Дура Лидка. Ох, дура горькая! Дождется, что мужика уведут. Давно приложила бы эту оторву обухом – всего-то и делов.

Продолжения Тина дожидаться не стала: вошла в кабинет и, только притворяя дверь, почувствовала, как дрожат у нее руки.

Но заставила себя улыбнуться – и Михаил тоже повеселел.

– Ну, что новенького сегодня?

– Да так, семечки, – сказала Тина со всей возможной беспечностью. – Удивляются, почему твоя жена меня по башке топором не стукнет и не решит все проблемы одним махом.

– Одним махом семерых побиваю, – кивнул Михаил. – Ничего, Лидушки ты не опасайся, она тебе худого не сделает.

– Слушай, а правда, неужели она не выясняет с тобой отношения? – спросила Тина с внезапно проснувшимся любопытством. – Не спрашивает, кто я, откуда взялась, почему ты со мной носишься, как...

– Как дурень с писаной торбой, – продолжил Михаил. – Она знает, кто ты. Официальная же версия – будто ты жена моего старого друга, которому я многим обязан. Он погиб, но мой долг... и так далее.

– Слушай, Миха, ты научился врать! – изумилась Тина. – До чего дошел прогресс... А я, значит, горькая вдовица, ну-ну. Только, боюсь, все откуда-то всё знают. И даже больше, чем всё. Бабенки грозились настучать какому-то Каримычу...

– Каримычу?! – фыркнул Михаил. – Ну, это беда невеликая. Каримыча ты не бойся, с Каримычем проблем не будет. Он у меня вот где сидит!

Михаил со значительным видом вскинул сухой, смуглый кулак, сделал зверское лицо, но не выдержал грозной роли и рассмеялся:

– Каримыч не пикнет, если его попросит об этом Коляня. А Коляня – мой шурин, Лидочкин брат. Он рыбинспектор. Каримычу ведь неохота себе путину портить. Вот-вот горбуша пойдет, потом кета... Мы тут живем тем, что Амур даст. А он дает только рыбу да икру. Это наша единственная валюта. Не столь твердая, как бакс, но уж не хуже деревянного. А Каримычу осенью свадьбу дочке играть, он ей квартиру хочет в Комсомольске купить... Нет, Каримыч слова не скажет, я тебя уверяю.

Тина слушала его, широко открыв глаза.

– Нет, Миха, ты ужасно изменился все-таки! Я даже представить не могла...

– Все изменилось, – ответил он хмуро. – Думаешь, ты прежняя? Ого! Да если бы тебе кто-то два года назад сказал, что ты ко мне за помощью кинешься, ты бы того человека просто изничтожила, разве нет?

– Наверное, – смиренно кивнула Тина.

Да... Михаил изменился в главном: теперь он свободен от нее! Больше не подбирает слов, боясь ее обидеть или хотя бы слегка раздражить, не впадает в уныние от немилостивого движения бровей. Если вспомнить, хорошенькой же стервозой была Тина раньше! Но это все потому, что она чувствовала себя до крайности несчастной рядом с этим человеком. А значит, несчастными становились и все вокруг, в первую очередь – ее мягкий, ласковый, безответный муж...

– Ну ладно, я уж лучше пойду, – повернулась к двери. – А то они там небось хронометрируют: успели мы с тобой быстренько потрахаться или нет.

– Здесь говорят – сношаться, – криво усмехнулся Михаил, опуская глаза.

– Да пожалуйста, мне-то какая разница, – дернула плечом Тина, которую от одного только предположения обуяла тоска. – Сколько я тут у тебя? Минут пять? Ну, дурное дело нехитрое. Лучше пойду. Данилушкина жена так и не появилась?

– Нет, – хмуро мотнул головой Михаил. – Соседка сказала, она еще затемно на вырубке подалась. По землянику небось. Это уж до вечера, никак не меньше. Придется Данилушке пока у нас полежать.

– До чего же мне его жалко! – беспомощно призналась Тина. – Я к нему все же привязалась... Он все говорил, говорил, а меня ни о чем не спрашивал. С ним спокойно было. Предлагал мне на постой к ним идти. Я даже почти решилась, а тут вдруг...

– Да, глупо все. Затянули мы с этой операцией, – с досадой сказал Михаил. – Наших, деревенских, в больницу летом калачом не заманишь. Вот он и дотянул... Чертов тромб! Я ведь говорил – сорвется тромб, Данилушка, чихнуть не успеешь, как помрешь. Вот и... Хорошо еще, на улице не жарко. Куда вы его поставили? Возле процедурной, на каталке?

– Куда же еще? Там, правда, сквозняк, да теперь ему уже как-то все равно, бедолаге. Ну, я правда пошла. Завтрак кончился, надо таблетки разнести.

– Вперед, – согласился Михаил. – А я пойду погляжу, как там Серегина буйная головушка.

Михаил встал, шагнул к двери, чтобы открыть ее и пропустить Тину вперед, но замешкался в узком пространстве между столом и стеной. А поскольку Тина тоже замялась, набираясь храбрости перед тем, как опять выйти под перекрестный огонь взглядов и досужих намеков, они на какой-то миг почти прижались друг к другу.

И в этот самый миг открылась дверь.

Михаил отпрянул так резко, что завалился на свой стол, неловким движением обрушив стопу книг. Тина в ужасе оглянулась – и ее словно кипятком обдало. Ведь на пороге стояла Клавдия Гавриловна, сестра-хозяйка. Язва из язв, первейшая сплетница, ненавидевшая Тину с той минуты, когда Михаил привел ее в больницу, отдав ей место, которое Клавдия Гавриловна заботливо грела для своей родной племянницы, заканчивавшей в Комсомольске медучилище. С тех пор Клавдия не упускала случая намекнуть главврачу на глупость, нерадивость и близорукость «блатной» медсестры. Тина подозревала также, что новые и новые варианты ее многотрудной жизни расходятся по деревне, как круги по воде, после очередного измышления сестры-хозяйки, которая, на правах старожила в пятом поколении, пользовалась полным доверием тамбовцев. И надо же, чтобы именно она...

На Клавдию Гавриловну увиденное, чудилось, произвело воистину ошеломляющее впечатление. Она застыла на пороге, бледная впрозелень, приоткрыв рот и беззвучно шевеля губами. Глаза – совершенно белые, бессмысленные. Из рта исторгся хриплый сип – и вдруг Клавдия Гавриловна, привалившись к косяку, начала сползать по нему, закатывая глаза.

– У нее обморок! – вскрикнул Михаил, легко перепрыгивая через стол и успевая подхватить сестру-хозяйку прежде, чем она вывалилась через порог. Уловив краем глаза какое-то движение в коридоре, он вскинул голову... и замер, резко бледнея, делая странное движение рукой, словно отмахиваясь от чего-то невыразимо страшного.

Тина сжалась в комок, боясь оглянуться.

Вот... значит, всё. Это случилось. Ее с утра что-то давило, стискивало сердце ощущением близкой беды. Гнала, гнала от себя дурные мысли, внушая, что это от привычки к тоскливой неопределенности, что жизнь у нее теперь такая – одно сплошное ожидание беды. Но не зря, верно, ждала... не зря!

Но как они нашли, ведь Тина думала, что никто и никогда?.. Неважно – как. Нашли, значит.

Кого увидит она, когда обернется? И успеет ли вообще обернуться? Или треск автоматной очереди, которая прошьет их троих: Михаила, Клавдию Гавриловну и ее – будет последним, что она услышит в жизни? А может быть, они решат обойтись без шума? Рывок за волосы, запрокинута голова – и отточенное лезвие оставляет на горле дымящуюся свежей кровью широкую борозду?

Судьба промахивалась трижды. Пожалуй, свой лимит везения Тина наконец исчерпала. Какая тишина... Какая невыразимая тишина воцаряется перед смертью!

Вдруг стало невыносимо стоять вот так, скорчившись, и покорно ждать смерти. Она резко обернулась – и пошатнулась, едва не упала на стол, увидав высокую белую фигуру, медленно плетущуюся из глубины коридора.

Взгляд охватил все враз: женщин у окна, превратившихся в соляные столбы, бабушку Нину Корниловну, замершую с рукой, воздетой для крестного знамения, двенадцатилетнего хулиганистого Серегу с перевязанной головой, который странно-медленно полз на четвереньках в угол, убираясь с пути следования этой тощей фигуры – старика, завернутого в ветхую больничную простынку. Едва передвигая худые, с узлами тромбофлебитных вен ноги, он тащился по коридору, простирая вперед эмалированную миску, в которой мелко дребезжала алюминиевая ложка, и бормотал:

– Завтрак-то... завтрак-то я проспал. А чего ж не разбудили? Из палаты зачем вывезли? Там сквозняк, я вон закован весь. А исподники мои где? Исподники отдайте!

Минута молчания затягивалась... И вдруг Михаил, довольно-таки небрежно сунув на пол обеспамятевшую Клавдию Гавриловну, резко выпрямился.

– Данилушка! – сказал сердито. – Какого черта ты шастаешь! У тебя же постельный режим!

– Так проснулся поутру, а жрать охота. Чую, кашкой пахнет, а миски рядом нет. Тут, смотрю, Клавка чешет мимо. Я руку из-под простыни – да и цап ее за подол: Клавдия, мол, Гавриловна, а меня довольствия за что решили, скажи на милость? Она взревела, что твоя изюбриха, – да бежать. А я гляжу – голяком лежу в коридоре. Это что еще за процедуры надо мной?!

Михаил обернулся к Тине:

– Тромб отскочил, что ли?

Она тупо кивнула.

– Да... – Михаил задумчиво потер переносицу. – Не тромб, а гулящая женщина. Гуляет сам по себе! Похоже, мы несколько поспешили Данилушку оплакать. Еще хорошо, что я решил отложить вскрытие до того, как придет баба Вера. Слава богу, она еще ничего не...

По лестнице громко затопали.

– Родименький ты мой! – послышался взрыд. – Кормилец! Да на кого ты меня спокинул! Ох, да закатилось мое солнце красное!..

Тина крепче оперлась о стол.

Причет оборвался пронзительным воплем, и высокая худая старуха, ворвавшись на этаж, отпрянула к стене, с ужасом глядя на своего мужа, о смерти которого ей только что сообщили. А этот самый покойник подошел к ней, вынул из трясущейся руки лукошко (баба Вера даже домой не успела зайти, прямо из тайги примчалась в больницу!) и принялся горстями закидывать себе в рот землянику, бормоча:

– Хоть ягодки поклевать, коли каши не досталось!

Михаил привалился к косяку, трясаясь в припадке нервного смеха.

Клавдия Гавриловна медленно закопошилась на полу.

Тина, как-то вдруг совершенно обессилев, перевела взгляд на окно.

Ослепительное небо, ослепительная рябь на огромной живой реке. Тальник клонится под ветром. Где-то вдали удаляется темное пятнышко: уходит на Комсомольск «Ракета». Река успокаивается, начинает дышать ровно, мерно, словно огромная серебряная рыбина.

Другая жизнь, совсем другая! Тихо, спокойно. Ах, как же тихо и как спокойно! Неужели настанет день, когда тишина и покой придут в ее смятенную душу? Ведь именно за этим она явилась сюда... нет, прибежала!

Прибежала, спасая жизнь.

* * *

...Конечно, все случилось из-за той передачи, которую Тина увидела по телевизору. Вернее, это был сюжет в программе «Вести» – короткий, но такой страшный, что становилась по-человечески понятна нерешительность телевизионщиков, показавших его чуть ли не через неделю после случившегося. Водитель французского туристического автобуса внезапно умер за рулем, и эта махина, полная обезумевших от ужаса людей, какое-то время моталась по скоростному шоссе, круша все встречные автомобили, пока не опрокинулась и не взорвалась. На беду, тут оказался еще один автобус. А машины неслись на предельной скорости, врезаясь друг в друга, не успев затормозить. Туман и сильный гололед, которого никто не предполагал в апреле, также сыграли свою роковую роль... Кошмар, не поддающийся описанию. Даже у этого зомби, ведущего «Вестей», дрогнул голос, когда он подводил жуткие итоги: всего пострадало около восьмидесяти пяти человек, а тридцать семь погибло. Во Франции объявлен национальный траур... На Тину это произвело такое впечатление, что приснился тот сон. Приснился

потому, что Валентин был во Франции, он должен был вернуться еще два дня назад, но не вернулся – и даже не позвонил. Не предупредил, что задерживается.

Ну что ж, бывает и такое. Почему надо сразу думать о самом страшном? И прежние его командировки не всегда укладывались в спланированные графики!

Тина убеждала себя, что все в порядке, однако никак не могла избавиться от неприятного чувства. Это было, если хорошенько разобраться, даже не беспокойство, а раздражение. Ну, попросту злилась она на Валентина. Франция – страна цивилизованная. Из любого автомата в любом провинциальном городке, каком-нибудь богом забытом Монпелье, можно спокойно позвонить в Нижний Новгород и сообщить: «Дорогая, все в порядке, задерживаюсь». И это ведь нисколько не ущемит мужского достоинства, а будет лишь проявлением обычного человеколюбия. Чтобы любимая, не побоюсь этого слова, женщина не дергалась, не комплексовала, не видела страшных снов, наконец!

Тину к тому же очень огорчало, что обиженное подсознание для расправы с Валентином выбрало именно Сакре-Кер. Это место ей больше всего понравилось в Париже, который, сказать по правде, слегка не дотянул до идеала, созданного воображением. Очередной пример того, что не следует слишком много ждать от жизни, она непременно обманет. Уж кому-кому, а Тине не раз приходилось в этом убеждаться. Печально, если и Валентин окажется очередным «идеалом», с которого столкновение с реальностью сдует радужные перышки!..

К тому времени, когда Тина дошла до остановки, ей почти удалось убедить себя, что жить надо проще, не ждать от судьбы вечного праздника. И сейчас она думала только о прозе реальной жизни: о том, что она опять опаздывает в редакцию, а не видно ни автобуса, ни троллейбуса, ни «маршрутки», и если бы она утром не возилась так долго, поминутно впадая в трагическую задумчивость, то вполне успела бы дойти пешком... В эту минуту кто-то тихонько кашлянул за плечом и сказал:

– Тина, привет!

Ну объясните, чего сердцу бухаться в пятки? Она стала самой настоящей психопаткой с этим своим напряженным ожиданием, с придуманными надеждами, вот идет она на работу, а из-за угла выкатывает такси, а в нем – Валентин с огромным букетом роз, которые он не около вокзала купил, а, представьте, привез из самого Парижа. Ну да, все совершенно как у классика: «Суп на пароходе в кастрюльке приехал прямо из Парижа!»

Короче, Тина вздрогнула, как припадочная, и первое, что брякнула:

– Боже, как вы меня напугали! – А уж потом: – Ой, Виталий, здравствуйте.

Виталий был единственным приятелем Валентина, которого она знала. Оба молодых человека работали в областной администрации по контракту от Бюро социологии и политической футурологии. В отличие от Валентина у Виталия осталась в Москве семья, и он вел себя как человек положительный: жил себе в общежитии, к хорошеньким нижегородкам не клеился, а стало быть, в случайные связи не вступал, на квартиры к одиноким женщинам не переезжал и не внушал им безумных радужных надежд. Встречались Виталий и Тина раза три, случайно.

Виталию было лет тридцать пять – постарше Валентина. И выглядел повзрослее: молчалив, замкнут, с непроницаемым взглядом, но при этом вежлив и любезен, как бывают вежливы и любезны только москвичи – когда это *им* нужно. В иных ситуациях человечество для них, как известно, не существует, тем паче – провинциальное российское человечество.

Однако сейчас Виталий показался Тине совсем другим. Он улыбался, да, – но улыбка то и дело сползала с его уст. Он спрашивал о здоровье, о настроении, о делах – но явно не слышал ее ответов. Он мялся, поглядывая в ту сторону, откуда должен был появиться наконец хоть какой-нибудь транспорт, но Тина ощущала, что Виталию до смерти хочется оказаться как можно дальше отсюда вообще – и от нее конкретно. Хорошо бы и вовсе в другом городе. И нетрудно догадаться, в каком именно...

– О, мой троллейбус! – с облегчением воскликнула Тина. – А вы едете?

Виталий с удивлением уставился на подошедший троллейбус, а потом схватил Тину за руку как раз в ту минуту, когда она уже сделала движение, готовая врезаться в людской водоворот, закипевший у троллейбусных дверей.

– Погодите-ка, Тина, – негромко сказал Виталий. – Надо поговорить.

– Да вы что, я же опаздываю! – вскричала она возмущенно, но тут же осеклась.

Что-то случилось. Что-то плохое. Он пришел не просто так.

Близко взглянула ему в глаза.

– Ну что? – спросила глухо.

...Потом, вспоминая, она дивилась своим мыслям. Была уверена: Виталий пришел сообщить, что Валентин не вернется. И сколько возможных причин этого невозвращения промелькнуло в голове, начиная от роковой любви с первого взгляда к хорошенькой парижанке до вдруг обнаружившегося семейства, состоящего из жены, тещи и семерых детей, орущих по лавкам. Сколько причин, кроме истинной!

– Давайте отойдем, – пробормотал Виталий, не отпуская ее руки и силой увлекая в тупичок возле служебного входа в Оперный театр, рядом с остановкой.

Он что, боится, что она устроит истерику или хлопнется в обморок?

– Я даже не знаю, как вам сказать, – бормотал Виталий, пряча глаза.

– Да не тяните кота за хвост! – выкрикнула Тина в сильнейшем приступе раздражения. – Валентин что – погиб?

Она сама не знала, почему выпалила это. Тут же ужаснулась своим словам, но еще сильнее испугалась, поймав промельк изумления – и в то же время облегчения в глазах Виталия. Итак, она сама произнесла то, что не решался выговорить он!

– Сердце – вещун, – пробормотал Виталий. – Как ты почувствовала... невероятно!

– Не может быть, этого не может быть, – бестолково залопотала Тина, отчаянно желая забрать назад свои слова, проклиная себя за то, что произнесла их. Как будто что-то на свете могло теперь измениться!

– Тина, прости, я понимаю, как тебе сейчас ужасно! – покаянно бормотал Виталий. – Я никак не мог заставить себя прийти, сказать... Да, он умер, погиб!

У Виталия был такой несчастный вид, что Тине вдруг стало жаль его. Ну он-то за что мучается? Пусть идет... она уж как-нибудь сама... теперь... Но ведь она не верит, не верит ему! Этого не может быть!..

А зачем Виталию врать?

– Эта ужасная авария, – тихо вымолвил он, пряча глаза. – Может быть, ты видела в «Вестях»? Да ее по всем программам показывали. Он был в одной из тех машин, которые рвались, как... как связка гранат!

Взглянул в ее помертвевшее лицо, спохватился, забормотал неловко:

– Валентин как раз ехал домой, в смысле, в аэропорт, он уже собирался возвращаться...

Тина прижала ладони к щекам. Значит, одно из тех прикрытых пластиковыми покрывалами тел, лежащих на обочине, – и был Валентин?! Или нет, нет... машина взорвалась... значит, он был одним из тех обгорелых, утративших подобие человеческого, кошмарных трупов, которые полицейские пытались извлечь из покореженных останков автомобилей?

Картина встала перед глазами так пугающе четко, что по вискам пополз холодный пот. Едва шевеля рукой, Тина вытирала лицо мгновенно промокшим комочком носового платка.

Виталий топтался рядом, шумно дышал, пытаясь ее поддержать, а Тина машинально отталкивала его руку.

– Уйди, уйди... – бормотала с глухой, необъяснимой ненавистью. – Уйди, я так и знала! Я все это своими глазами видела. Он там сидел, просто сидел на скамеечке, а какая-то девка подошла и трижды выпалила в него, в упор! Она его изрешетила, он даже слова сказать не

успел, ничего не успел, не то что убежать. Как же так? За что? Убить... в таком месте! Как же можно!

– Тина, Тина, – послышался рядом перепуганный шепот Виталия. – Что ты? Он в аварии погиб, что ты такое говоришь?

Ах да. Катастрофа на шоссе! Она и забыла.

Вдруг стало холодно – так холодно, что зуб на зуб не попадал.

– Уйди, – прошептала Тина. – Уходи...

Но Виталий остался на месте, а ушла она сама – боковой улицей, чтобы не наткаться каждую минуту на посторонние взгляды, не слышать шума автомобилей, обрывков человеческой речи, всего такого живого, невыносимо живого. Чтобы поскорее оказаться дома, забиться в какой-нибудь угол... сидеть там, не видеть никого...

* * *

– Ой, я скоро сопьюсь от всех этих поминок, – сокрушенно сказала Света и снова взялась за бутылку.

Тина с трудом отвела взгляд от рюмки, в которую, гипнотизирующе булькая, лилась бойкая прозрачная струя.

– Да? И кого еще ты поминала?

– У моей бывшей однокурсницы по радиофаку муж погиб. Ты небось слышала: взрыв в офисе «Элементарных навыков». Ну, где этими кассетами со сверхбыстрым английским торговали.

– Что ты говоришь?! – поразилась Тина. – Нет, я не знала... Там люди погибли, да?

– Куча народу, человек пять. Кроме директора – его как раз не было. Кошмар, кошмар!

Тина понурила голову. Пять человек! Пять мужей или жен остались одни... как она. До чего жесток к людям мир!

– Вся штука в том, что мы жалеем не умерших, а живых. – Света подняла рюмку. – Себя самих, строго говоря, жалеем, которые теперь остались одни и... ну, словом, одинокими остались мы. Давай выпьем теперь, чтоб это поскорее прошло.

Тина подняла отяжелевшие веки. Света с сосредоточенным видом разливала водку по стопочкам. Уставилась на опустевшую бутылку – и с мрачным удовлетворением сунула ее под стол.

Ого! Значит, они на пару усидели-таки бутылочку. Светка говорила правду: первая рюмка – колом, вторая – соколом, третья – мелкими пташками. А еще она говорила, что эта водка у нее в ларьке – самый ходовой товар, влет идет, даром что левая, безакцизная.

– Ничего, – бормотала Света, сурово глядя на Тину: она была, совершенно как М. Горький, убеждена, что жалость унижает человека. – Ничего, ты еще молоденькая, найдешь другого, еще не будешь знать, куда этих кобелей девать.

Тина безнадежно махнула рукой. Неужели Светка права – и ей внушает ужас не столько страшная смерть Валентина, сколько та пустота, которая теперь образовалась в ее жизни?

– Во мрак, да? – прошептала беспомощно. – Мне ведь даже на могилку к нему не сходить. Похоронят его в Москве. Виталий бормотал что-то, будто единственные его родственники – отец и мачеха. Отец вообще глубокий старик, вдобавок парализованный, мачеха за ним ходит. Ей и передали... прах. Урну с прахом, понимаешь? Все, что они там соскребли с этих обгорелых машин...

Ее передернуло. Света, которая зачарованно слушала, вдруг спохватилась, сунула Тине в одну руку рюмку, в другую – бутерброд:

– Ладно, не углубляйся особенно в тему. Пей давай!

Тина заворуженно уставилась на колебание разноцветных бликов на поверхности прозрачной, слегка пахнущей лимоном жидкости.

– И они его еще не похоронили, – сказала с тупой пьяной настойчивостью. – Мачеха боится, что отец этого известия не перенесет.

– Да ладно, брось ты! – сердито махнула своим бутербродом Светка. – Как это так – еще не похоронили?! Что, он у них в холодильнике лежит, что ли? В смысле, стоит?

– Нет, почему в холодильнике? – удивилась Тина. – Зачем? Может, на балконе? Вот у нас проходила одна заметка – еще в прошлом году, но я запомнила. Это такой кошмар! Одна бабка померла и завещала себя кремировать. А это дорого. Ну, кремировали, а денег на сами похороны не осталось. Или жалко стало выкладывать на поминки да на всякое такое. И родня никак не могла между собой договориться, кто же эту несчастную урну хоронить будет. И передавали ее то одному, то другому, а потом сунули к кому-то на балкон – до лучших, мол, времен, и она там чуть ли не год стояла, в этом колумбарии на свежем воздухе. Кошмар, да?

– Тьфу, какая гадость! – передернулась и Света. – Ладно, пей, хватит умничать. Читать надо меньше! И вообще, бросай ты эту газету, сколько раз говорено. Сплошное засирание мозгов... то есть засорение. Наше время такое: чем меньше думаешь, тем лучше. Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу. И что тебе там платят, какие деньги? Давай я тебя лучше в ларек устрою, хочешь? Там за день так нарежвишься, что в голове сплошной вакуум. И все по фигуре. Усталость – она, знаешь, лучший транквилизатор. И покрепче этой водяры с ног сшибает... Да что ж это мы сидим, как две дуры? Давай по последней. На помин души новопреставленного раба Божьего Валентина. А ты ничего, ничего, Тиночка, не кисни. Выживешь! А если пойдешь ко мне в напарницы – еще как выживешь! Ну, хлопнули?..

Светка была права: она выживала. А с другой стороны, куда денешься? Первые дни все казалось невыносимым – не ждать его звонков, не спешить на свиданки, не подкарауливать шаги за дверью, не колготиться на кухне в поисках наикратчайшего пути к сердцу мужчины... И какой это дурак сказал, будто работа – лучшее лекарство? На ней ведь еще надо сосредоточиться, заставить себя отрешиться от мыслей, что никогда, никто больше...

Почему же – никто, никогда? То и было самым страшным, что Тина прекрасно понимала: выжить – это не только пережить смерть Валентина, перестать тосковать по нему, но и пустить в свою судьбу кого-то другого. Ей всего двадцать семь, разве проживешь век одна? Как долго еще жить, как все неизвестно, неопределенно, мрачно! Нет – даже думать об этом страшно.

А потом настал тот день...

Тина ждала трамвая. Сегодня ей с самого утра надо было съездить на телевидение, взять там кассету с записью вчерашней пресс-конференции губернатора. Газетенка, в которой зарабатывала на хлеб Тина, была слишком уж мелконькой, чтобы губернаторская пресс-служба затруднила себя приглашением. А редактор просто-напросто зевнул, не подсутился узнать о событии по другим каналам. Теперь спасение газеты было в том, чтобы сделать не просто обзор, но некое философическое осмысление очередного сотрясения пространства, которое, по большому счету, не вызвало в городе ничего, кроме глубокого раздражения. У нижегородцев в очередной раз челюсти свело при виде физиономии человека, который вечно живет вприпιαс.

Тина подумала, что ей повезло с заданием: в том состоянии, в каком она сейчас находится, совершенно невозможно ничем восхищаться, зато милое дело – разделявать под орех всех и всяческих политических Хлестаковых. К тому же только ленивый не вытер еще свое журналистское перо о черную курчавую шевелюру этого пустобреха.

Трамвай все не шел. Вместо него шел дождь. Начавшись еще со вчерашнего вечера, он успел затопить газоны, а близ обочин налил такие лужи, что Тина заранее ужасалась, как будет пробираться к трамваю. Чуть не по колено придется брести, честное слово!

Автомобили, пронесившиеся мимо, не затрудняли себя такой мелочью, как снижение скорости, и горстка людей, ждущих трамвая, изрядно промокла от разлетавшихся во все стороны брызг. Если бы сбылось хоть одно теплое пожелание в адрес беспардонных водителей, на перекрестке уже скопилась бы изрядная куча импортного и отечественного металлолома.

Но вот поток машин иссяк, а шоферам тех, что еще проезжали мимо, похоже, иногда случалось все-таки ходить пешком: они исправно сбавляли ход. Толпа постепенно расслабилась и прихлынула к самой кромке тротуара, люди с нетерпением вглядывались в серую мглу, поджидая невесть куда запропастившуюся «двойку». Поэтому явление темно-бордового, мощного, как броневик, «Ленд-Круизера» показалось им громом среди ясного неба.

На запредельной скорости, разрезая волны и вздымая брызги, он промчался по луже, как амфибия, рвущаяся в бой, чтобы со свистом и скрежетом тотчас затормозить на красный свет. А перекресток от остановки находился метрах в двадцати...

Толпа пассажиров завопила, затрясла кулаками. И вдруг Тина увидела, как два тихих на вид паренька, судя по всему, студентики, перемигнулись, шагнули к груде камней, приготовленных для ремонта бордюра, и, подхватив по паре изрядных булыг, сноровисто запустили их в сторону наглого «Ленд-Круизера», сопроводив свои действия призывом:

– Бей проклятых буржуинов!

Один булыжник прямоком угодил в стекло, а через него – в салон. Другому повезло меньше – он всего лишь расплющил диск запасного колеса. Однако камнеметатель тотчас исправил упущение: подхватил с земли новое оружие пролетариата и без промаха вклепил его в самодовольную автомобильную задницу – к удовольствию многочисленных зрителей.

Впрочем, ликующие крики толпы несколько поутихли, когда «Ленд-Круизер» вдруг ринулся задним ходом и резко замер около остановки.

Может быть, если бы водитель ехал помедленней, его кто-нибудь и пожалел бы. Но он, разумеется, снова окатил пассажиров с головы до ног. Право, не стоило ему с *такими* словами высказываться из этой роскошной, хоть уже и малость покалеченной тачки!

В одну минуту он не только оказался с ног до головы обрызган мутной водой из лужи, но и заляпан жидкой грязью, щедро скопившейся на размытых газонах. И все-таки он пернапролом, как бык... если только можно себе представить быка, изрыгавшего матерщину и грозившего мстостью какого-то Серого Папы, который весь этот такой-то и такой-то городишко раком поставит.

Теперь уже не только студенты потянулись к оружию пролетариата. И неизвестно, какой гнусной уголовщиной ознаменовался бы этот день, если бы не выяснилось, что и здесь замешана женщина.

Дверца автомобиля распахнулась, и показалась изящная черная туфелька и тонкое колено, обтянутое черным чулком. А затем на мостовую скользнула высокая черная фигура в блестящем черном дождевике. Она окинула разъяренных людей весьма недружелюбным взглядом, однако возмущение толпы как-то сразу поуменьшилось. Высокая, худая, небрежным изяществом движений девушка напоминала модель, вышедшую на подиум. Вдобавок была очень хорошенькая: бледное лицо, удлиненные карие глаза, косая черная челка, блестящая, как вороново крыло.

Девушка прямо по луже, высоко поднимая ноги, прошла к орущему водителю, молча взяла его за рукав и потянула за собой.

Из него будто выпустили пар. Повиновение было беспрекословным! Он последовал за своей хорошенькой спутницей, как бы даже сделавшись меньше ростом.

Обе дверцы захлопнулись, и «Ленд-Круизер» изготавился к броску через перекресток, над которым уже мигал желтый свет.

В то же мгновение Тина сорвалась с тротуара и метнулась наперерез какому-то «Москвичу», который неторопливо трюхал к светофору, не вызывая всплесков народного гнева.

– Подвезите! – рванула она дверцу.

– Куда? – осведомился маленький, аккуратненький дяденька, блокируя ручку и лишь слегка приспуская стекло.

Тина увидела его скучное лицо и неприветливые глаза.

– Вон за той машиной! – махнула она рукой вслед «Ленд-Круизеру», который уже миновал перекресток и всюю набирал скорость.

– Сколько? – спросил маленький, и в его тусклых глазах забрезжило некоторое оживление.

– А сколько надо? – снова нетерпеливо дернула дверцу Тина.

– Ты мне ручку не сломай! – сердито сказал водитель. – А то вообще никто никуда не поедет, зато заплатит за ремонт. Сколько надо, говоришь? От двадцати до сотни, в зависимости от расстояния. Ну а если совсем далеко, то мне заправляться надо будет, так что еще за бензин.

– О господи! – Тина в отчаянии вытянула шею: «Ленд-Круизер» растворился в тумане. И тут из этого же самого тумана выплыло видение – трюмо, стоявшее в ее собственной прихожей, а на тумбочке – ее собственный кошелек, забытый сегодня утром дома.

Она еще раз всмотрелась вперед. «Ленд-Круизера» и след простыл...

– Девушка, да плюньте вы на этого жлоба, вон трамвай подошел! – весело сказал кто-то рядом.

Тина тупо оглянулась на одного из давешних народных мстителей, окинула взглядом толпу, штурмовавшую переполненные вагоны, и молча отошла к обочине. Стала, отвернувшись и от трамвая, и от «Москвича», и от людей, и от себя самой – идиотки, а может быть, просто сумасшедшей...

Ее трясло, хотелось закричать во весь голос, чтобы извергнуть из себя черный ком страха.

Какое-то время она стояла, ничего не видя перед собой, потом муть в глазах постепенно рассеялась. Тина попыталась даже усмехнуться: надо же, только обычная забывчивость помешала ей броситься в погоню за призраком! – но тут же нахмурилась.

«Ленд-Круизер» с пробитым стеклом не был призраком. И водитель его, едва не устроивший побоище на остановке, тоже производил впечатление очень даже реального мерзавца. И, значит, не была призраком девушка с длинными карими глазами и волосами, блестевшими, будто вороново крыло...

Тина узнала ее сразу, с первого взгляда. Это была та самая девушка, которая стреляла в Валентина, которая убила Валентина!..

Во сне.

* * *

После серого, дождливого дня и такой же мокрой ночи утро выдалось великолепное, сверкающее. Солнце сияло везде: на небе, в лужах, в капельках, повисших на влажной молоденькой листве...

Тина стояла на набережной и всматривалась в бегущих мимо людей. Половина была с собаками – на таких она и вовсе не обращала внимания. Насколько ей было известно, собаку Виталий не держал. А впрочем, может быть, и держал, Тина ведь вообще ничего не знала о нем, как выяснилось. Ни номера телефона или пейджера, ни адреса. В администрации губернатора сказали, что никаких сведений о московских социологах у них нет. Они вообще появляются как красно солнышко. Выполнили задание, получили деньги – и до свидания.

К тому же Тине была неведома даже фамилия Виталия!

Впрочем, зачем ей нужен Виталий вкупе со своей фамилией? Так она думала раньше. А теперь оказалось, что просто не к кому больше пойти, кроме него, а где найти – неизвестно.

И вдруг, среди ночи, Тина вспомнила! Выплыла случайная фраза Валентина, оброненная примерно месяц спустя после их знакомства:

«Виталька меня поедом ест, говорит, что я все из-за тебя забросил. Раньше мы с ним каждое утро бегали по Верхне-Волжской набережной, а теперь он там в одиночку пространство пересекает».

Она еле дождалась утра, сорвалась с постели, едва взошло солнце, и уже в начале седьмого брела по набережной, бросая по сторонам растерянные взгляды.

Народу было множество, Тина даже представить не могла, что джоггинг – такое массовое увлечение!

Однако время шло, а Виталия все не было. Тина уже часа два ходила туда-сюда по набережной, но все впустую.

Народу поубавилось, а после восьми и вовсе остались считанные единицы.

«Ну с чего я решила, что он непременно окажется здесь? – зло подумала Тина. – Может быть, бросил бегать. Может быть, давным-давно уехал в свою дурацкую Москву!»

И не поверила своим глазам, вдруг увидев в двух шагах от себя Виталия собственной персоной: голого по пояс, с повязкой на голове, в шортах и босого.

Плечи его блестели от пота. Значит, он здесь уже давно, Тина его просто не замечала.

Брови Виталия резко взлетели.

– Привет! Вы тоже бегаєте? А почему я вас раньше ни разу не видел?

– Да я вас ищу, – сказала Тина, опуская глаза. Ужасно неловко вдруг стало увидеть его таким... полуголым, с этими влажными от пота волосами, густо покрывающими грудь, в липнущих к телу спортивных трусах.

– Меня? – Виталий был изумлен. – Что-то случилось?

Она молчала. Все приготовленные фразы вдруг вылетели из головы.

– Тиночка, может быть, мы лучше вечером встретимся, если вам охота поговорить? – осторожно, хотя и с ноткой явного нетерпения, сказал Виталий. – А то, боюсь, прохватит сквозняком. И на работу опаздываю.

– Да, может, и правда лучше вечером, – промямлила она, чувствуя себя невыносимо глупо, и вдруг, к собственному изумлению, быстро проговорила, глядя прямо в янтарные глаза Виталия: – Откуда вы узнали, как погиб Валентин?

Он даже отпрянул.

– То есть как?... Ну, не помню... кто-то из наших сказал. Вроде бы позвонили из Москвы, из нашей фирмы. А что такое?

– А то, что это не так, все было не так, – снова пугаясь и путаясь, забормотала Тина. – Потому что я вчера видела эту девушку. Прямо на улице видела!

– Какую еще девушку? – резко спросил Виталий, и Тина поняла, что он начинает злиться.

Она постаралась взять себя в руки и произнесла так четко и спокойно, как только могла:

– За несколько дней до того, как вы сообщили мне о гибели Валентина, я видела сон...

– Да, да, вы говорили, – перебил Виталий. – И что же?

– А то, – терпеливо продолжала Тина, – что вчера я видела ту самую девушку, которая стреляла в Валентина на холме Сакре-Кер.

– То есть вы снова видели сон? – понимающе кивнул Виталий.

– Да нет! – раздраженно отмахнулась Тина. – Я ее наяву видела, как же вы не понимаете!

– Секундочку, – сказал Виталий как-то очень спокойно. – Но вы сами уверяли, что дело было на холме Сакре-Кер. А это как бы в Париже... Вы что, за ту неделю, что мы не виделись, в Париже успели побывать?

– О господи! – вскричала Тина. – Да при чем тут Париж?! Ни в каком Париже я не была. Я ее вчера видела тут, на улице.

– То есть в Нижнем Новгороде? – уточнил Виталий.

Тина с облегчением кивнула.

Виталий быстро глянул на нее и отвел глаза. Внезапно Тина поняла, о чем он думает. Он думал, что разговор этот до изнеможения напоминает беседу булгаковского Иванушки Бездомного с профессором Стравинским, причем в роли профессора выступает Виталий, а в роли чокнутого Иванушки – она, Тина.

– Послушайте, – зашептала она, схватив Виталия за руку, но тотчас же отдернув пальцы от потного запястья. – Послушайте, мне кажется, вас ввели в заблуждение. Кто-то вам сказал, будто Валентин погиб в катастрофе, а на самом деле он был убит. Я не знаю, за что и почему, но знаю точно, кто это сделал.

Лицо Виталия напряглось, но тут же по губам скользнула снисходительная улыбка.

– Та девушка, конечно?

– Да!

– Слушайте, вы что, ясновидящая? – спросил Виталий, зябко поводя широкими плечами. Хорошенький вопросик. Знать бы, что отвечать...

Не ответила ничего.

– Значит, нет, – констатировал Виталий. – А эту девушку вы видели вчера на улице... Тина, ну как же вы не понимаете, что получается? Вы ее видели не в первый раз!

– Конечно, не в первый, – обрадовалась Тина. Ну наконец-то до него дошло! – Я ее во сне видела, я же вам говорила!

Виталий прикрыл глаза и постоял так несколько мгновений. Плечи его медленно покрывались гусиной кожей.

– Тина, вы послушайте, только не перебивайте меня, хорошо? – сказал он наконец очень спокойно. – На самом деле все просто, архипросто. Эта девушка действительно живет в Нижнем Новгороде. Вы ее видели и вчера, и еще раньше... не во сне, не во сне! – предостерегающе выставил он ладонь. – Гораздо раньше – где-то на улице, так же, как и вчера. И она вам чем-то запомнилась. Ну, запала в память – такое бывает. А потом вы просто почувствовали, что с Валентином беда случилась. И увидели тот сон... Вы в Париже вообще-то бывали?

Тина кивнула.

– И на Сакре-Кер, конечно?.. Ну вот. Вам приснилось все знакомое. И образ этой девушки, на которую вы раньше и внимания-то не обратили, выплыл из подсознания и сыграл свою роль. А когда вы встретились с ней вчера, вам показалось, будто это оживший сон. Я понятно говорю?

Тина медленно кивнула.

Как это там сказал Стравинский Иванушке?.. «Теперь я скажу вам, что, собственно, с вами произошло. Вчера вас кто-то сильно напугал и расстроил рассказом про Понтия Пилата. И вот вы, нанервничавшийся, издерганный человек, пошли по городу, рассказывая про Понтия Пилата. Совершенно естественно, что вас принимают за сумасшедшего. Ваше спасение сейчас только в одном: в полном покое. И вам непременно нужно остаться здесь...»

Тина невольно оглянулась через плечо. В двух кварталах отсюда – улица Ульянова. А там – голубенький домик, нарядный, будто теремок: психушка Нижегородского района...

– Тина, вы как? – послышался встревоженный голос Виталия, и он, чуть снизу, заглянул ей в глаза. – Давайте я вас провожу, а?

– Господи, как все глупо, глупо до посинения! – пробормотала Тина, прижимая ладони к горящим щекам. Ладони показались ледяными. – Не надо меня провожать. Извините! Это все из-за... из-за...

– Я понимаю, – тихо сказал Виталий. – Я все прекрасно понимаю. Валентин вас любил, вы его тоже. Но жизнь идет, Тиночка, и единственный способ выжить – это все забыть. Как можно скорее.

Она кивнула.

– Может быть. Только пока не очень получается.

– Господи, Тина, вы только не плачьте, – с ужасом сказал Виталий. – Это я, скотина, вас расстроил. Не надо ничего забывать, все пройдет само. Тиночка, ну пожалуйста... – Голос его стал жалобным. – И я, главное, на вас накинусь, прямо как зверь. Простите, я ведь ничего не понял сначала...

– Да ладно, – отмахнулась Тина. – Сама виновата. Я вас только об одном прошу: вы можете уточнить – ну, насчет Валентина? Еще раз спросить – как это было? Потому что такие сны зря не снятся, вы это должны понимать!

– Хо-ро-шо, – с запинкой выговорил Виталий. – Сделаем так... скажем, в пять я вас буду ждать на площади Горького, возле «Макдоналдса». Помнится, Валька говорил, что вы любите там бывать. Я тоже, кстати. Вот и поужинаем вместе, а я вам расскажу все, что удастся разузнать. Договорились?

– Договорились, – слабо улыбнулась Тина. – Виталий, вы... спасибо вам. Вы просто чудо!

– На самом деле это вы – чудо, – очень серьезно сказал Виталий. – Пожалуйста, не опаздывайте сегодня, хорошо? Вы даже не представляете, как я вас буду ждать!

* * *

Сказать, что она опоздала, – значит ничего не сказать.

Точнее, она вообще не пришла на свидание, потому что не существует мужчины, который даже и любимую-то женщину, тем паче – случайную знакомую, да еще по такому неприятному поводу, ждал бы на условленном месте пять часов!

Да-да, пять часов. Потому что шанс оказаться на площади Горького у Тины выпал только в десять вечера...

Нет, она вовсе не собиралась опаздывать! И если бы пошла с работы пешком, то явилась бы к «Макдоналдсу» даже раньше времени. Однако едва она вышла из редакции, как начал накрапывать дождь. Сразу резко похолодало, а Тина, разнежившись поутру на солнышке, не взяла ни зонта, ни плаща.

Небо было сплошь серое, набухшее сыростью. Нечего и надеяться, что дождь скоро утихнет. Пока она дойдет до площади через всю Покровку, промокнет до нитки.

Тина растерянно огляделась. К остановке на площади Минина один за другим шли автобусы, троллейбусы, маршрутные такси. «Идея! – подумала Тина. – Заеду-ка я переодеться. И зонтик возьму. Времени-то еще вагон и маленькая тележка. В крайнем случае, если буду опаздывать, схвачу попутку».

Она вихрем пролетела мимо длинного ряда цветочниц, на разные голоса расхваливавших свой товар, в который раз озадачившись, куда же девают непроданные розы, гвоздики, лилии – неужто выбрасывают? – и вскочила в «маршрутку» за секунду до того, как водитель закрыл дверцу. На номер Тина даже не взглянула: отсюда, с этой остановки, транспорт шел только через площадь Свободы, а потом по длинной-предлинной улице Ванеева – то есть в нужном Тине направлении.

Она заплатила за проезд и, как всегда, не стала брать билета. Это было среди интеллигентных и довольно-таки безденежных нижегородцев особым шиком: оставлять билеты бедным, замотанным жизнью кавказцам, которые постепенно прибирали к рукам одну городскую «маршрутку» за другой. Ну да, у них же там, на Кавказе, войны-войнушки, а мы тут, в России, как сыры в масле катаемся...

«Маршрутка» споро добежала до площади Свободы, сделала традиционный круг и... вместо того, чтобы выехать на Ванеева, свернула в боковую улицу. Какое-то время Тина сидела спокойно, надеясь, что это временный объезд из-за какого-то очередного ремонта, однако машинка бодро перла вперед, явно не собираясь ни останавливаться, ни сворачивать.

– Слушайте, – растерянно обратилась Тина в пространство, – а куда мы едем? Это номер какой?

– Сороковой, – сказала ее соседка. – Идет в Верхние Печеры.

– Через Сенную площадь? – ужаснулась Тина и ринулась к дверце: – Ой, откройте, пожалуйста, я сойду!

Водитель, видимо, не расслышал.

– Остановите, а? – нагнулась к нему Тина. – Я не знала, что вы через Сенную едете, остановите, пожалуйста!

– Только что был остановка, – огрызнулся водила, и от его акцента, с которым, кажется, говорили теперь девяносто процентов так называемых россиян, Тину, как всегда, передернуло.

– Стойте, вы что, не слышали! – запальчиво потребовала она.

– Гдэ я тебе тут остановлю? – не оборачиваясь, зло спросил шофер. – Останови, останови, а потом ГАИ придет, кто штраф платить будет? Ехай до Сенной, да?

– Ну и ехай сам, – обиделась Тина. – А мне выйти надо.

– Приспичил, да? – нагло ухмыльнулась в зеркало физиономия. – Ничего, потэрпишь.

– Девушка, да плюньте вы, – посоветовал добродушный дяденька. – Остановка через три минуты, какая разница?

Тина только сверкнула на него глазами и снова повернулась к водителю.

Строго говоря, она и сама не могла понять, с чего завелась. Ее улица осталась так далеко, что это не принципиально: выйти сейчас или через три минуты. Более того, ехать до Сенной даже лучше, там можно на что-нибудь пересесть и успеть-таки вовремя и домой, и на встречу с Виталием, а если она сойдет сейчас, то придется долго-долго идти пешком, наверняка опоздает...

И все-таки ей словно вожжа под хвост попала. Тина сама не понимала, почему талдычит свое, одно знала наверняка: из такси надо выйти, надо, надо! Хотя бы для того, чтобы взять верх над этой наглой рожей. Вот именно!

– Останови сейчас же! – яростно выкрикнула Тина. – Я ведь даже билета не взяла, ну как не стыдно?!

– А, ты бэз билета? – обрадовался водитель. – Плати сэйчас же. Нэмэдленно плати, пока нэ будешь платить, никто нэ будет выходит, да?

Ну... ну, это уже был просто предел всему!

Тина растерянно оглянулась:

– Как это – без билета? Я ведь заплатила, просто не взяла его...

– Ну и дура, – спокойно информировала тетка, одна занимавшая переднее сиденье: рядом мог поместиться разве что йог, голодавший не менее года. – Нашла бедненьких, подавать им! Да они знаешь как живут? Наши русские балды на рынках на них горбатятся, торгуют, а они знай стоят, надзирают. У нас в Доскине один такой себе фазенду отгрохал, с ума сойти! Там тебе и дом, и подворье, и гаражи, и для баранов целый дворец, и для сына отдельный дом, и коровы у него, и овцы, и теплицы, и три автомобиля, а дети в школу не ходят, только знай по хозяйству суетятся!

– Да, деваться от них некуда! – подхватил кто-то еще, и все пассажиры мигом открыли оживленную дискуссию «Руки прочь от России!». То, что это происходило в пределах слышимости водителя, никого особенно не смущало, в том числе и его. Он крутил себе баранку и мчался к Сенной!

Это было выше ее сил. Тина вдавила палец в кнопку над дверью. Водитель так и подскочил, когда сирена – несомненно, близкая родственница той, которая звучит на учениях по гражданской обороне! – взревела у него над головой.

Возможно, в иной ситуации этот звук и ласкал бы его слух, но сейчас он оказался той соломинкой, которая сломала спину верблюда.

Громко выругавшись, шофер внезапно свернул и ринулся по какой-то боковой улочке, среди старых домиков, крича на всю «маршрутку»:

– Ах так, да? Гудеть, да? Ну и ладно! На Сенную нэ едем! Нэ будет остановка!

– Как это?! – вскричала Тина.

– Кататься едем, да? – мстительно хохотнул водитель, делая новый, совсем уж лихой вираж... и перегораживая путь «Волге», которая пылила с горки на полной скорости.

Тине показалось, что зеленая морда машины – оскаленная и перекошенная – летит прямо на нее. Она слабо, отстраняюще махнула рукой – и в следующее мгновение страшный удар опрокинул ее на спину.

Очнулась Тина от боли – кто-то с силой пнул ее в живот. С криком рванулась, открыла глаза, но сначала ничего не увидела в шевелящейся, кричащей тьме. Тотчас мрак перед глазами рассеялся, и Тина с необыкновенной ясностью поняла, что произошло: «Волга» опрокинула «маршрутку», пассажиров швырнуло друг на друга...

Какая-то тяжесть давила на грудь, на лицо.

«Задохнусь ведь!» – испугалась она и попыталась сдвинуть навалившийся груз.

Это удалось с превеликим трудом, но сразу стало легче. Тина попыталась сесть, машинально прикрывая лицо, чтобы кто-нибудь из людей, шевелившихся, кричавших рядом, не угодил ненароком каблуком или локтем.

Прислушалась к себе – похоже, ничего не сломано. Удивительно – ей совсем не было страшно. Может, сотрясение мозга? Даже странно – такое спокойствие. Ведь только что готова была хоть в окошко прыгать, только бы выбраться из «маршрутки»! А теперь, после аварии...

Впрочем, авария уже произошла, теперь-то чего бояться?

Вот оно что! Значит, Тина собачилась с водителем не просто из общей стервозности натуры. Чувствовала, стало быть, аварию, которую в какой-то степени сама же и спровоцировала. Забавно...

– Эй! – послышался сверху перепуганный голос. – Живые есть?

Похоже, этот вопрос был воспринят как оскорбление, такой крик поднялся кругом. В том, что он умер, не хотелось сознаваться никому. Сверху слышались тяжелые удары, потом железный скрежет, потом тот же голос проорал:

– Все, двери мы открыли. Можете вылезать! Кто может!

Вокруг снова раздался крики, исполненные боли. Кричали в основном женщины, которых топтали мужчины, пытающиеся выбраться наружу: дверцы-то теперь были наверху.

Тина сжалась в комок, защищая голову. Наконец сверху скомандовали:

– Женщины! Давайте руки! Будем вас тянуть.

Тина, как могла, выпрямилась. Женщины всхлипывали, кто-то громко стонал.

Завыла сирена – милиция, что ли, прибыла? А может, «Скорая»?

– Эй, руки давай, руки! – заорал кто-то в ухо Тине. – Соображаешь, нет?

Она покорно вытянула вверх руки, и через некоторое время, едва не выломав их, ее выволокли через двери и опустили на асфальт.

Бледные, перепуганные люди толпились вокруг. Кто-то лежал на земле, неуклюже сособочив голову. Кто-то стонал, кто-то ругался. На борту «пазика» и на земле виднелась кровь.

На подгибающихся ногах Тина шагнула в сторону. Тошнило невыносимо.

– Эй, вы там как? – Четырехугольный мужик в белом халате со злым лицом подскочил к ней, схватил за голову и пристально взгляделся в глаза: – Руки-ноги целы? Это хорошо! Сотрясения вроде бы тоже нет, но точнее скажут в больнице.

– В какой больнице? – испугалась Тина. – Мне некогда, вы что?

Доктор скривился:

– Давай-давай! Тетя Тоня, возьмите эту дурочку!

Женщина, вроде бы похожая на доктора, без разговоров затолкала Тину в белый с красной полосой фургончик, где уже жались друг к другу пять или шесть бледных, перепуганных женщин. Вроде бы Тина видела их в злополучной «маршрутке».

– Уберите ее отсюда! – истерически взвизгнула одна, едва завидев Тину. – Это из-за нее мы перевернулись!

– Да будет тебе, молодка! – тяжело вздохнула тетя Тоня, втискиваясь в фургончик последней. – Живы – и ладно.

– А шофер? – кричала женщина.

– Да что ему сделается? – поджала плечами медсестра. – Нос разбил, и все. Ничего, будет думать, куда ехать. Мужики рассказывали, как он кататься собрался. А вот тот парень из «Волги» – его... – Она махнула рукой.

Гомон в «Скорой» мигом стих. Кто-то всхлипнул...

Тина откинулась к трясущейся стенке, закрыла глаза. Может быть, у нее и правда сотрясение мозга? Уж очень ноют виски. В левый будто иголочка воткнулась. И опять нарастает страх... Не от этой машины, не от больницы, в которую ее везут. Почему-то страшна наступающая ночь.

Ну вот, глупости! До ночи еще часов пять-шесть.

Однако тягостное предчувствие так никуда и не ушло. Не помог успокаивающий укол, не помогло и резюме доктора, подтвердившего, что никакого сотрясения у Тины все-таки нет, а дрожь, которая ее бьет, – это вполне естественная реакция после пережитого потрясения. И когда Тина вышла в блеклые сумерки, поглядела на тоненький, добела раскаленный серпик молодого месяца, на только что проклюнувшуюся нарядную звездочку слева от него, – она едва не повернула назад, на больничное крыльцо. Ночь подступила-таки, а вместе с ней – неопределенные, смутные страхи.

До дрожи не хотелось идти домой!

Нет, все-таки странно. Всегда ее дом был ее крепостью, с тех самых пор, как два года назад Тина узнала о смерти тети и о том, что ей была завещана квартира в далеком городе Нижнем Новгороде. Тогда она восприняла это как знак свыше, как дар небес, как выход из неразрешимо, казалось бы, запутавшейся жизни. Она была так счастлива, что даже не находила в себе сил изображать приличную случаю печаль. Из-за этого Тина в очередной раз смертельно поссорилась с матерью и, неся на челе клеймо безжалостной, расчетливой эгоистки, убежала сломя голову из родного города Хабаровска, твердо решив никогда-никогда туда не возвращаться. «Туда» – это означало к маме, в газету «Молодой дальневосточник» и к мужу Мише Шевелеву. Бывшему мужу, разумеется.

Она поселилась в Нижнем, мгновенно полюбив этот чудный провинциально-столичный город, и чувствовала себя как дома и в нем, и в тихой квартире на первом этаже симпатичной «хрущевки» из красного кирпича, стоявшей в тихом, тенистом дворике. Потом появился Валентин...

Теперь Валентин исчез. А вдобавок Тина поняла, что ей страшно возвращаться домой...

Но куда, в самом деле, податься? Больше идти некуда. Разве что в «Макдоналдс»... но Виталия давным-давно и след небось простыл. Да и забираться снова в какой-нибудь автобус, троллейбус, «маршрутку» (!!!) – нет, уж только не это!

Поэтому она собрала остатки сил и побрела от областной «Скорой помощи» через Ковалиху на Провиантскую улицу, а потом – на свою Ижорскую, которая еще утром была родной и любимой, а теперь чудилась исполненной опасных и зловещих теней.

Тина не сдержала сдавленного крика, когда одна из таких теней вдруг отделилась от скамейки, стоящей возле ее подъезда, и встревоженным голосом произнесла:

– Ну наконец-то. Я уж тут в розыск собрался подавать, честное слово!

Тень говорила мужским голосом, имела широкие плечи, а свет фонаря играл на ее тщательно причесанных рыжеватых волосах. В руках тени шелестел целлофаном букет и шуршал пакет, в котором вырисовывались очертания каких-то коробок.

Бояться нечего – это же Виталий!

– Привет, – выговорила Тина, едва управляясь с прыгающими губами. – Извините, я... у меня тут...

Вдруг ее шатнуло так, что она непременно упала бы, если бы Виталий, отшвырнув свое имущество, не подхватил ее.

– Что? Что такое? На тебя напали, что ли? Говори же! – Он сильно встряхнул ее, и боль снова запульсировала в висках.

– Ох, тише... – простонала Тина. – У меня, наверное, и правда сотрясение мозга. Я в аварию попала, «маршрутка» перевернулась. Так что извините за опоздание.

– В аварию?! – недоверчиво качнул головой Виталий. – А я тебя на площади ждал часа два, потом звонил из всех автоматов, всю топографию двора наизусть выучил. Так и знал, так и чувствовал, что с тобой какая-то беда! Ну, пошли. Я тебя домой отведу.

Тина с облегчением повисла на его руке.

Вот и хорошо. Пусть называет ее на «ты», пусть ответит домой. С ним совсем не страшно входить в эту темную двухкомнатную пещеру. Жаль все-таки, что Тина так и не завела себе собаку. Нет, лучше кошку: с собакой гулять надо, а когда ей... Да и какая разница – кошка, собака, главное, чтобы ее встречало хоть какое-то живое существо!

Она включила свет, старательно выискивая предлог, под которым можно уговорить Виталия хотя бы на часок сыграть роль этого самого живого существа, – и вдруг увидела ужас в его глазах:

– Да ты в зеркало-то смотрелась, Тина? Нет, ты только взгляни на себя!..

Схватил ее за плечи, повернул. Тина посмотрела в зеркало – и устало отвела глаза.

Да уж... Такое впечатление, что об нее кто-то долго и старательно вытирал ноги. Хотя что ж тут удивительного, почти наверняка именно так и было, пока она валялась без сознания в «маршрутке».

– Знаешь что? – сказал Виталий ласково. – Пойди-ка ты постой под душем. Давай-давай. Это как раз то, что доктор прописал.

Тина взглянула на него в замешательстве.

– Иди, иди, – кивнул он. – Я подожду, если можно. Все-таки мы собирались серьезно поговорить, и лучше этот разговор не откладывать. Ты не против? Или уже не хочешь, слишком устала?

Да, она слишком устала. И, если совсем честно, хотела сейчас две вещи: оказаться под горячим душем и в постели. Желательно одновременно. А живое существо мужского пола пусть бы покорно посапывало на коврике возле кровати. Без всяких разговоров и тем более без каких-то поползновений...

Но она ничего не сказала Виталию. Это кем же надо быть, чтобы брякнуть такое человеку, который собирается открыть тебе какую-то тайну – вдобавок после пятичасового ожидания с букетом цветов. И вроде бы даже с бутылкой какого-то спиртного, насколько смогла разглядеть Тина. Если бутылка не разбилась, конечно...

Как выяснилось, бутылка не разбилась. Это было первое, что обнаружила Тина, выйдя из душа и заглянув на кухню. Посреди стола возвышался какой-то коньяк – судя по изысканным очертаниям сосуда, страшно дорогой. Вокруг были очень мило сервированы два биг-мака. От них шел пар, и Тина поняла, что Виталий воспользовался микроволновкой.

– Я тут похозяйничал немножко, ничего? – спросил он смущенно.

Она только кивнула, почему-то с опаской поглядывая на закатанные до локтей рукава его рубашки, на пуговики, фривольно расстегнутые чуть ли не до пояса, так что в прорези виднелись курчавые рыжеватые волосы. При этом она как-то особенно остро ощутила, что из ванной, повинаясь привычке, вышла в одном только халате, а он шелковый, скользкий, и при малейшем неосторожном движении распахивается совершенно неприлично...

Нет, надо пойти переодеться, а то как-то слишком интимно получается.

– Потрясающий халат! – восхитился Виталий, доставая из шкафчика две рюмки. – Знаешь, для меня почему-то женщина в халате – это самое привлекательное, что только может быть. Я как-то особенно спокойно себя чувствую, по-домашнему, если женщина...

Ну что поделаешь после такого признания? Она поплотнее запахнула ворот у горла и осторожно села на табуретку, на всякий случай зажав между колен расплзающиеся полы.

К биг-маку тем временем прибавились бутылка пепси-колы, копченое мясо, извлеченное из вакуумной упаковки и уже нарезанное с немыслимой тонкостью, кисть винограда и коробка конфет. Поскольку всего этого никак нельзя было обнаружить в холодильнике, Тина поняла, что Виталий полностью взял на себя интендантские обязанности.

– Ну вот, – сказал он, окинув стол хозяйским взглядом, и сел напротив Тины, взявшись за бутылку.

Она заворуженно смотрела на красно-золотую этикетку, на которой сверкали какие-то французские слова. Что-то вроде «трезоре». Драгоценности, что ли?

А ведь у нее где-то в шкафчике стоит точно такая же бутылка! Только пустая, конечно. Валентин принес ее на какой-то праздник, а потом пил долго-долго. Пил-то он один, потому что у Тины... О господи! Она чуть не забыла!

– Ой нет! – вскричала она, в последнюю минуту успев накрыть свою рюмку ладонью. – Мне не наливайте, нет, нет! У меня аллергия на коньяк, вы уж извините.

У Виталия был такой ошарашенный вид, что Тина едва сдержала улыбку.

– Как это – аллергия?

– Да обыкновенно, – невесело сказала она. – Сыпь по всему телу, которая ужасно чешется, на щеках красные пятна выступают и сходят только через несколько дней. Да вы не бойтесь, – успокоила, уловив невольное движение Виталия, – от запаха ничего не будет. И для вас это не заразно. Так что вы себе наливайте, а я... нет, вряд ли.

Слава богу, что вспомнила. А то сейчас была бы такая хорошенькая!.. После шока, испытанного ею, выпить рюмочку спиртного – да Тину потом пришлось бы совком и веником собирать! И вроде бы тем, кто приложился головушкой, вообще алкоголь противопоказан.

– Ну вот... – печально проговорил Виталий, с явным трудом обретший дар речи. – А я-то думал, помянем Валентина. Понимаете, мы ведь ни на похоронах, ни на девяти днях не были. Сороковины еще не скоро, я к тому времени уже вернусь в Москву, с вами, может быть, и не увижусь никогда больше, а ведь мы, по большому счету, были ему самыми близкими людьми...

Тина опустила голову и какое-то время посидела молча, борясь со слезами, которые предательски наворачивались на глаза.

– Ладно, – глухо сказала она. – За Валентина я выпью. Только не коньяк.

Не вставая, дотянулась до холодильника (такая уж это была кухня, что в ней до всего можно было дотянуться, не вставая) и достала маленькую бутылочку красного мартини, а потом из морозилки – пластиковый стаканчик с кубиками льда.

– Поставьте еще одну рюмку, пожалуйста, – попросила Виталия. – Если уж поминать, надо ему тоже налить.

Виталий повиновался, однако поглядывал на вино недоверчиво:

– Может, хоть *ему* поставим коньяк?

– Нет, пусть тоже будет мартини, – возразила Тина. – Мы с ним иногда любили вместе выпить такого, красного, и чтобы со льдом. Вот и допьем сегодня вместе эту нашу бутылочку... больше уж у нас с ним ничего *нашего* не будет...

– Вы не запиваете? – Виталий налил в большой стакан пепси-колы. – Ну, давайте помянем нашего дорогого друга Валентина. Он был хороший человек. Пусть простит меня, если что было не так. Теперь все это неважно. Земля ему пухом!

– Царство небесное, – тихо отозвалась Тина и медленно отхлебнула ледяное сладкое вино.

– На поминках – до дна, – подсказал Виталий, который уже опустошил свою рюмку и поднес к губам стакан с пепси. Потом ловко откусил огромный кус биг-мака и в два счета, словно большой зверь, смолот его челюстями.

– Ох, я здорово проголодался! – пробормотал он. – А вы почему не едите? Закусывайте, а то захмелеете.

– Уже, – сообщила Тина, пытаясь справиться со своим гамбургером (а может, чизбургером, кто их разберет). У нее мгновенно поплыло перед глазами. И аппетит прорезался прямо-таки волчий.

– Между первой и второй перерывчик небольшой! – лихо провозгласил Виталий и с досадой сморщился: – Ох, простите, Тина. Не знаю, чего несу. Ладно, давайте за то же самое. Пусть ему там будет... хорошо. Пусть не гневается на нас, оставшихся.

Он выпил до дна, припал к стакану с пепси и укоризненно покачал головой, когда Тина опять попыталась отставить почти полную рюмку. Пришлось ее опустошить. Да, если дело и дальше так пойдет... Ну, ничего, мартини осталось раза на два, не больше, это она как-нибудь выдержит, а коньяк пить все равно не будет, хоть стреляйте ее!

– А разве ему было за что на вас злиться? – спросила рассеянно, приподнимаясь, чтобы задернуть штору: совсем ни к чему, чтобы весь двор знал, что она на ночь глядя пьянствует с молодым человеком. Жизнь на первом этаже имеет массу неприятных моментов!

Даже такое простое движение далось не без усилий. Не надо бы ей пить, не надо...

– Валентину-то? – переспросил Виталий, как будто речь могла идти о ком-то другом. – Вряд ли, не думаю. Конечно, по работе всякое бывало, но он ведь знал, что я человек приказа. Что начальство велит, то я и делаю. Это его вечно тянуло во всякую самостоятельность. Он даже шутил: тебе, говорил, в армии бы служить, где приказы свыше не обсуждаются. Может быть, может быть... – рассеянно кивнул Виталий, снова берясь за бутылку. – Но я, собственно, не себя имел в виду.

– А кого? – мгновенно насторожилась Тина. – Вы хотите сказать, у него оставались здесь враги? Может быть, они с ним и расправились? Вы это имеете в виду? Вы что-нибудь узнали? Я была права, да?

– Ой, не так быстро! – сверкнул улыбкой Виталий. – Да, я кое-что узнал, только разговор это такой... деликатный, поэтому даже не знаю, как к нему приступить. Так что давайте еще раз выпьем – для храбрости, что ли. А потом я все расскажу. За вас, Тина! За вас.

Они чокнулись, и Виталий выпил, не сводя глаз с Тиной. Потом взялся за стакан с пепси-колой.

«Как-то странно он запивает, – подумала Тина. – Пьет, пьет, а стакан все полон. Или он подливал себе? Нет, но что он все-таки имел в виду, говоря...»

– Значит, так. – Виталий отодвинул стакан, тарелку и поставил локти на стол. – Во-первых, насчет гибели Валентина. Я позвонил в наш московский офис начальнику службы безопасности. Это мой очень хороший друг, не станет мне врать. Он подтвердил, что сам беседовал с человеком, который занимался расследованием этого случая в Париже. Он был на месте аварии и видел то, что... словом, останки, а также портфель Валентина, который почти не

тронуло огнем. Очевидно, его просто вышвырнуло взрывом из машины. Документы, деловые бумаги и все такое. Это без обмана.

– Ну, я не так доверчива, – зло усмехнулась Тина. – Портфель просто-напросто могли подбросить на место аварии.

– Кто? – изумился Виталий. – И зачем?!

– Та девка и ее сообщник, – с торжеством вскинула голову Тина. – Я вам в прошлый раз ничего толком не сказала, а ведь она была не одна, эта фотомодель с ногами от ушей! С ней был какой-то бритоголовый, с узкими такими глазами, взгляд – как лезвие. Она, когда увидела Валентина, вроде бы как замешкалась, а этот бритоголовый, проходя мимо, ее подтолкнул. И потом, после, он ждал ее у подножия холма, на той улице, которая ведет напрямик к «Мулен-Руж». Ждал на мотоцикле, – уточнила она, напряженно вспоминая сон. – Про что это я хотела сказать?.. Ах да, портфель! Портфель та девка забрала. Отлично помню, как она протянула руку – и цап его со скамейки! А потом прижимала его к груди, когда мотоцикл помчался. Портфель такой большой, светло-коричневый, вроде бы с двумя пряжками... – Задумалась, как бы взглядываясь, потом покачала головой: – Нет, это были не пряжки, а два кодовых замка, вот что это было такое!

– Вы видели у Валентина такой портфель, да? – быстро спросил Виталий.

– Ни разу, – качнула головой Тина. – У него был черный кейс. А забрали именно портфель – мягкий, набитый чем-то.

– Портфель, значит... – задумчиво повторил Виталий, медленно наливая себе и, к счастью, совершенно забыв про рюмку Тины. Впрочем, про свою он тоже забыл, потому что Тина заговорила снова:

– Я думаю, все дело в этом портфеле. Они забрали то, что там было, документ, что ли, а потом подкинули на место аварии, чтобы создать достоверность ситуации.

– А труп? – мрачно спросил Виталий.

– Какой труп?

– Труп Валентина, какой же еще? Он ведь так и остался на скамейке, да? Никуда не делся? То есть его через какое-то время, очевидно, обнаружили прохожие, вызвали полицию, отвезли в морг, установили личность. Кому бы понадобилось создавать видимость гибели Валентина в аварии, подбрасывая его портфель, если труп...

Он вдруг осекся, заполошно уставился на Тину:

– Ох, что я несу! Я тут совсем с вами... Нет, нам надо выпить, а то я начинаю с ума сходить!

Почему при этом должна была пить и Тина, она не поняла, но машинально пригубила. Виталий одним глотком выпил коньяк, поспешно запил своей неиссякающей пепси-колой и, слегка задыхаясь, сказал:

– Тина, мы оба с вами не в себе из-за этой трагедии, только потому и говорим всерьез – о чем?! О сне! Ведь и портфель, и девушка, и выстрелы на холме Сакре-Кер – все это было лишь во сне!

Тина порывалась было что-то сказать, однако Виталий, резко выставив ладонь, остановил ее:

– Нет уж, больше не перебивайте. Послушайте теперь меня. Насчет аварии я уже все сказал, повторять не буду. Валентин погиб именно там, по пути в аэропорт. Никаких других вариантов! Что же касается девушки... Вы твердо уверены, что не встречали ее раньше?

– Во сне, – мрачно усмехнулась Тина. – Именно в такой последовательности: сначала во сне, потом наяву.

– А вот в это, – задумчиво взглянул на нее Виталий, – я теперь готов поверить... Дело в том... дело в том, что это была девушка Валентина.

Несколько мгновений она растерянно моргала, потом лицо вдруг ожгло – стыдом, жгучим стыдом.

– Вы хотите сказать...

Виталий с отчаянным выражением кивнул.

– Тина, мне просто ужасно не хочется говорить на эту тему! Подробностей не знаю, но сегодня мне удалось выяснить, что у Вальки была... ну, была еще одна знакомая в Нижнем Новгороде. И ее описание в точности совпадает с тем портретом, который вы мне рисовали.

«Еще одна знакомая...» Ну что ж, эвфемизм не хуже прочих! Он ведь мог просто брякнуть – «любовница», а то и еще хуже – «сожительница». Еще одна сожительница, стало быть.

– А ведь я никаких портретов не рисовала, – глухо сказала Тина. – Почему я должна вам верить?

– Да подумаешь, бином Ньютона! – с неожиданной злостью выкрикнул Виталий. – Брюнетка, лет двадцати семи – тридцати, высокая, худая, длинноногая, лицо бледное, глаза карие, раскосые. Этакая швабра с лягушачьим ртом – не мои слова, цитирую человека, который видел их с Валентином вместе. Ну что, совпадает? Совпадает, скажите?

Тина слегка кивнула, подумав, что так припечатать незнакомку – «швабра с лягушачьим ртом», это же ужас! – могла только женщина, оскорбленная в лучших чувствах. Может быть, и она была равнодушна к Валентину? Или даже имела некие права ревновать его? А если так, то сколько же их было, этих «девушек Валентина», этих «знакомых-сожительниц», в число которых затесалась и Тина?..

Виталий между тем окинул взглядом стол, вскочил, выхватил из навесного шкафчика еще один стакан, наполнил его доверху пепси-колой и залпом выпил.

Сел, с яростью глядя на Тину:

– Теперь вы поняли? Вы, наверное, и впрямь его любили, а он забавлялся от души. Но, наверное, сердцем вы что-то такое чувствовали, поэтому и увидели тот сон – вещий, можно сказать! Понимаете, я сегодня поговорил с одним очень хорошим психотерапевтом, и он мне все это объяснил.

– Психотерапевтом? – не веря своим ушам, повторила Тина. – Ничего себе! И что он мне прописал? Ходить два раза в неделю на гипноз к Голанду? Пить транквилизаторы? Или сразу лечь в психушку?

– Да нет, – криво усмехнулся Виталий. – Если честно, он прописал... физиотерапию.

– Это как? – непонимающе вскинула она брови.

– Как? Да вот так!

Внезапно вскочив, Виталий сдернул Тину со стула и резко, сильно прижал ее бедра к своим.

– Вот так, – пробормотал хрипло, зарываясь лицом в ее волосы. – Клинь клином вышибать, поняла?

Под его руками пополз с плеч холодный шелк, и вереница влажных, жарких поцелуев протянулась от плеча к уху.

Задрожав, Тина попыталась отстраниться, откинулась, однако халат предательски скользил, а губы Виталия уже впились в ее грудь.

Мгновение она изумленно смотрела сверху на рыжую макушку – словно какой-то огромный таракан вдруг стиснул ее в своих мохнатых, членистых лапах! – а затем, рывком выпростав руку из рукава, вдруг вцепилась в волосы Виталия и дернула что было сил.

Он отпрянул с криком боли, а Тина мгновенно запахла халат и туго-натуго перепоясалась. Ее трясло, а лицо горело – то ли от стыда, то ли от странных позывов разбуженной против воли плоти... то ли от брезгливости, она сама толком не понимала.

Виталий мгновение смотрел на нее незряче, дико, потом провел ладонью по лицу, и оно вновь приняло то холодновато-насмешливое выражение, которое имело раньше.

– Извините, – пожал слегка плечами и сел. – Забавные у нас с вами получились поминки, верно?

Тина осталась стоять. Она растерялась от его самообладания. Больше всего ей хотелось отвесить Виталию звонкую пощечину, а то и две, а потом выгнать взашей! Не то чтобы ее так уж разозлил этот внезапный сексуальный порыв. Скорее та боль, которую он причинил рассказом о похождениях Валентина, – вполне сознательно причинил, как выяснилось теперь! Но уж если так, надо было бить его по лицу сразу. А если наброситься сейчас, после некоторого перерыва, это будет выглядеть нелепо.

И все-таки – что теперь делать? Сесть и как ни в чем не бывало продолжить пирушку? Вот именно что пирушку... А тем временем Виталий придет в себя, осмелеет и, вполне может статься, повторит попытку оболыщения.

Тину снова передернуло. Нет, нет, она... этого нельзя допустить ни в коем случае! Ведь обида на Валентина так велика, что Тина вполне может уступить только из мести, из мимолетного желания взять реванш, доказать себе самой, что по-прежнему желанна мужчине, – да просто забыться, наконец! Но тот, кому она мечтает отплатить, уже свободен от суеты. И месть эта обернется против нее же самой: утром ударит брезгливостью, отвращением к своему мимолетному распутству. И выбраться из этого рвотного состояния будет куда труднее, чем просто пережить обиду на неверного любовника. Тем более что мертвые не имеют не только сраму, но и земных обид.

А Виталий между тем неторопливо снял хрустящую обертку с яркой конфетной коробки, открыл ее, полюбовался нарядными шоколадками, завернутыми, лежащими в хорошеньких гнездышках, выбрал одну, развернул фольгу, положил в рот, со вкусом облизнув губы...

Тина даже задрожала от злости!

– А скажите... – начала с улыбкой, подчеркнуто миролюбивым тоном, – вы когда, собственно, задумали улечься со мной в постель? Еще до того, как сюда пришли, или это мой халатик вас так вдруг возбудил?

Виталий взглянул настороженно, однако ответил с бесшабашной ухмылкой:

– Да как вам сказать... Вообще-то коньяк был куплен чисто в медицинских целях, если вы это имеете в виду. Я же понимал, каким ударом для вас станет известие о Валькиных похождениях, ну и подумал: посидим, поговорим, расслабимся... Халатик, конечно, тоже сыграл свою роль. И шум воды, когда вы были в душе. Сознаюсь: с трудом удержался, чтобы не ворваться в ванную. Вы любите заниматься любовью в ванне? Я – обожаю. Это особое наслаждение!

Глаза его блеснули.

Тина опешила. Однако же быстро он сгруппировался для нового броска! Ну уж нет!

– В медицинских целях, говорите? Ну-ну, – кивнула она. – Как говорится, одно лекарство лечит, другое калечит? У вас что, несварение желудка от коньяка, что вы его не глотаете, а втихаря выпускаете в стакан с пепси-колой?

Виталий замер, потом ошалело оглянулся на предательский стакан, из которого он так старательно «запивал» каждую рюмку. Да... по-прежнему полон!

Посмотрел на Тину – и тотчас отвел глаза.

– Ну, я... – пробормотал, пытаясь вернуть на лицо эту разудалую усмешечку, – если честно... коньяк оказался слишком крепкий, я просто боялся оплошать... ну, вы понимаете?

– Что?! – так и ахнула она. – То есть вы меня просто-напросто решили вульгарно подпоить, чтобы трахнуть без проблем, да? Рассчитывали, что я буду в таком шоке из-за Валькиных измен, что быстренько начну залечивать раны с помощью вашего... клина?

Она нарочно говорила так грубо. Она хотела, чтобы он ушел, ушел немедленно! Сил больше не было видеть эту наглую рыжую морду!

– Любопытно, в каком секторе ада вы встретитесь в свое время с Валечкой? – пробормотала Тина. – Не там ли, где над входом будет написано: «Все мужики – кобели»?

Ну, слава богу, достала-таки!

Виталий вскочил.

– Не стоит перенапрягаться, Тина, – пробормотал с плохо скрываемой злостью. – Все понятно, я ухожу.

– Коньячок прихватите, – ядовито посоветовала Тина. – И конфетки заодно.

– А что, на шоколад у вас тоже аллергия?

– На ликер – они ведь с ликером, не так ли?

– С ликером, с ликером. Хорошо, заберу. А как насчет гвоздик? На них тоже аллергия?

– Неужели!

– Ладно, и гвоздики заберу. – Виталий выхватил из вазы букет, залил пол каплями. – А вы сосуд не забудьте помыть. Чтобы уничтожить все следы моего пребывания. А то, не дай бог, от моего запаха у вас сыпь начнется.

– Помою, помою, – прошипела Тина. – Не волнуйтесь, я никогда не оставляю немытую посуду на ночь.

– Да, Валька мне жаловался, какая вы зануда-аккуратистка! – криво усмехнулся Виталий. – Посуду на ночь моете, пол, все у вас по ранжиру. Вам бы в армии служить, фельдфебельшей!

Тина растерянно моргнула. Они пикировались, как дети! Вот глупость...

– Ох, – сказал вдруг Виталий почти с ужасом. – Ох, кошмар... Тина, простите, я дурак из дураков. Простите, ради бога!

– Да ладно, – неловко усмехнулась она. – Бывает. Я тоже хороша... Вы тоже извините.

– Тина, можно я останусь? – попросил жалобным мальчишеским голосом.

– Ой, нет! У меня просто на это нет сил! – простонала она, торопливо отпирая дверь. – Идите, ради бога, идите! Я уже не сержусь, честное слово, но сейчас вы лучше уйдите. Потом созвонимся, ладно?

– Созвонимся! – обрадовался Виталий. – Запомните номер моего сотового: 199-43-26. Позвоните мне завтра же, я буду ждать. Запомнили? А цветы вы все-таки возьмите, что же я с ними как дурак...

– Да-да, – пробормотала Тина, небрежно сунув под мышку букет и с облегчением припадая к захлопнувшейся двери. – Запомнила, а как же!

Номер был простой: 199 – это знак нынешнего столетия, а 43 и 26 – номера ее дома и квартиры. Другое дело, позвонит ли она когда-нибудь по этому телефону...

Однако даже думать сейчас нет сил. Завтра. Все завтра!

Тина протаскала на кухню, сунула как попало в воду сломанные стебли гвоздик, с отвращением посмотрела на неубранную посуду.

Нет. Может быть, конечно, она и зануда, но мыть сейчас посуду – это уж извините!

Завтра! И гори оно все огнем!

* * *

Ей снились гиацинты, будто Валентин поставил их у изголовья. Посмотрел на Тину, улыбнулся – и ушел куда-то, а цветы остались. Дивная красота и дивный аромат! Только давит на сердце какая-то тяжесть. Причем Тина даже во сне понимала, откуда этот сон взялся: недавно она делала для газеты подборку интересных случаев, связанных со всякими цветами. Среди них была история об убийстве, совершенном изысканно и нестандартно: молодой человек накануне свадьбы подарил невесте гиацинты в таком количестве, что девушка заснула среди их сладкого аромата – и не проснулась, на что, собственно, и рассчитывал коварный жених, мечтавший повести под венец другую.

Тина проснулась и какое-то время лежала, глядя в темноту и не соображая, где она и что с ней происходит, пока не вспомнила недавний вечер... и гвоздики. Так вот оно как смешалось в голове: попытки Виталия подпоить ее, и белые гвоздики, стебли которых ломались в руках, пока она несла их на кухню, и коварство Валентина, у которого, оказывается, была другая...

«Наверное, я и правда зануда, – грустно подумала Тина. – Вечно мне надо все разъяснить да по полочкам разложить. А сон был красивый...»

Она зажгла подсветку будильника. Только два часа. Какое счастье – еще можно спать да спать! Завтра выходной. Подарок судьбы!

В горле пересохло. Тина прошла на кухню и напилась из-под крана, с неприязнью взглянув на невымытую посуду.

Света она не зажигала, однако все прекрасно видела вокруг, и вовсе не потому, что обладала способностями к никталопии, подобно известному Жаку Паганелю. Просто-напросто под самыми ее окнами стоял фонарь, заливавший двор бледным бессонным светом. От него не спасали никакие, даже самые плотные шторы, тем более те легкие портьеры, которые висели на окнах у Тины. Сначала она вообще спать не могла по ночам, а потом так привыкла к этому свету, что, когда фонарь не горел, начинала чувствовать необъяснимую тревогу.

И стоило ей подумать о фонаре, как свет погас. Тина обняла подушку, тихо засмеявшись: «Хорошо еще, что я уже добралась до кровати, а то запуталась бы в собственной квартире!»

И тут она заметила, как шевельнулась занавеска.

Нет, не заметила – скорее почувствовала это движение легкого светлого шелка. И тут же поняла, что это ей не чудится: в форточку осторожно пыталась просунуться чья-то рука.

Тина пока не очень-то испугалась: на всех трех окнах стояли решетки, все-таки первый этаж. Даже кошке не проскользнуть. К тому же прецедент уже имел место года полтора назад: подросток из третьего подъезда заболел манией заглядывать по ночам в окна к одиноким соседкам. Когда его изловили на месте преступления, семья быстренько поменяла квартиру. Может быть, в доме завелся еще один маньяк? Надо все-таки шумнуть на незваного гостя!

Вместо этого она, неожиданно для самой себя, соскользнула на пол и замерла, чуть высунувшись из-за кровати.

В этот миг шторка резко дернулась – и на подушку, где только что покоилась Тинина голова, упал какой-то плоский предмет. И тотчас что-то негромко стукнуло за окном: словно человек, стоявший снаружи на подоконнике, соскочил вниз.

Тина, опять-таки более удивленная, чем испуганная, приподнялась и попыталась разглядеть, что ей подбросили. Глаза уже немного привыкли к темноте, вдобавок предмет на фоне белой наволочки выделялся довольно отчетливо. Больше всего он напоминал круглую коробочку от обувного крема, какими Тина когда-то играла в «классики», только от него исходил сладковатый, приторный запах, в котором было что-то влажное, как бы болотное.

«Болиголов? Водяные лилии?» – попыталась определить Тина, и вдруг голова у нее закружилась, и девушка повалилась на пол.

Веки налились такой тяжестью, что невозможно было не опустить их. Удушье налегло на грудь мохнатой мягкой лапой. Хотелось вздохнуть как можно глубже, вобрать в себя этот странный, сладковатый аромат, лишь самую чуточку отдающий гнилью... тленом... могилой?

В следующее мгновение Тина сползла с места и ринулась в коридор. То есть так хотелось бы. На самом деле она словно плыла в вязком тумане, ползла, еле шевеля руками и ногами, стараясь не дышать и ощущая все усиливающееся жжение в легких.

Вывалившись за дверь, попыталась глотнуть свежего воздуха, но обрела лишь мгновенное облегчение: тлетворный аромат уже проник и в коридор, снова начал наваливаться вязкий дурман.

Губительный запах источает плоская коробочка, брошенная в форточку! Он расплзается с невероятной быстротой, скоро в квартире вообще нечем будет дышать!

Тина вползла в соседнюю комнату. Душно! Форточка закрыта и здесь, и на кухне. Надо открыть, проветрить...

«Нет! – словно бы крикнул кто-то. – Тот человек, который подбросил это тебе, никуда не ушел. Он караулит за окном. И если ты выглянешь...»

Тина поползла по коридору к двери, просто-таки физически ощущая, что неотвязный, смертоносный запах настигает ее. Кое-как, держась за стенку, поднялась, вцепилась в замок. Крутнула его... нет, кажется, не в ту сторону. Ох, да ведь она в одной ночной рубашке! Сдернула с вешалки плащ, набросила, опять схватилась за дверь.

Замок не открылся. Она опять не в ту сторону вертит? Но и поворот в противоположном направлении толку не дал. Замок не открывается! Так бывает, если снаружи вставлен ключ... или что угодно: отвертка, штырь. Замок блокирован. Ей не выйти, она заперта в этой газовой камере!

На подгибающихся ногах, чуть не падая, зажимая рот полый плаща, Тина поплелась на кухню. Там телефон... позвонить в милицию, Виталию, Светке... куда-нибудь! Дрожащей рукой долго шарила, пытаясь поднять трубку, – и содрогнулась, услышав в ней глухую тишину.

Телефон не работал.

Так. Так... Не выйти, не позвать на помощь. Не найти ни одного местечка в квартире, куда не проник бы яд. Разве что наполнить ванну водой и нырнуть туда? Нет, это уже бред. Утонуть – то же, что задохнуться.

Стучать в стены! Кому? У нее угловая квартира, а с другой стороны – пустая трехкомнатная, которая давно уже продается и никак не может продаться. А над ней живет глухая старуха, которую и трубы Судного дня не разбудят.

Деваться некуда. Значит, что – умирать?!

Она коротко, часто вздыхала, уткнувшись в рукав, отчаянно вглядываясь в узкий коридорчик между комнатами и кухней. Чудится или в самом деле надвигается оттуда белесая смертельная мгла, норовя навалиться – и раздавить последние остатки сознания?

Куда забиться? Ах, сделаться бы сейчас крохотным, почти незримым существом, насекомым, способным заползти в самую малую щель! Тараканы, наверное, выживут. Может быть, даже воспримут случившееся как небесную кару немилостивой хозяйке, которая толпами сводила их рыжее многоногое племя в могилу...

Могила!

Образ темной прямоугольной ямы отчетливо вырисовался в меркнувшем сознании Тины, и в следующее же мгновение она рухнула на колени, вялыми руками отталкивая табуретки и кухонный столик. Эти легкие вещи казались неподъемными, но все-таки она наконец своротила их с места и нашарила на полу круглое металлическое кольцо.

Уже на последнем пределе сил потянула на себя крышку. Пахнуло душной сыростью, но Тина с наслаждением глотнула этот спертый дух. Стало чуть легче. Вот оно, спасение. Или хотя бы шанс! Но это еще не все. Надо что-то сделать... что-то... Ах да!

Тина на четвереньках поползла до коридора, потянула к себе половик. Маленький, легкий – это лучше, чем ничего. И скорее, скорее! Счет уже идет даже не на секунды, а на мгновения. Оставшиеся ей мгновения жизни...

Волоча за собой коврик, она вползла в кухню и сунулась в темное углубление под полом. Потасила на себя крышку, кое-как прикрывая ее половиком. Конечно, щели оставались, но хоть так...

Тьма сомкнулась вокруг. Тина пошарила по стенкам своего склепа, все еще боясь дышать, пытаясь отыскать... отыскать... Она вдруг забыла, что ищет.

«Если я здесь умру, меня никто никогда не найдет!» – мелькнула мысль, от которой Тина ощутила страшное, смертельное одиночество. Но это была последняя мысль, последнее живое чувство.

* * *

Тина открыла глаза – и, признаться, удивилась этому. Довольно часто бывало, что, проснувшись, она несколько пугающих минут не способна была понять, где находится, даже имени своего не могла вспомнить. Однако сейчас действительность обрушилась на нее, подобно тяжелой бетонной плите, и придавила так же основательно. Не было никаких успокаивающих иллюзий насчет того, что она, мол, уже на том свете. Можно было только дивиться, почему, пребывая вчера почти в бессознательном состоянии, действуя скорее инстинктивно, чем рассудком, она сегодня так ярко представляет все случившееся.

Впрочем, почему, интересно, Тина так небрежно оперирует понятиями «вчера» и «сегодня»? Кто знает, пролежала она в этом добровольно выбранном склепе несколько часов или несколько минут? Хотя, если судить по тому, как затекло тело, не меньше нескольких часов. И дело не только в беспамятстве, в которое она провалилась. Не больно-то здесь разомнешься! Все-таки покойный дядюшка, царство ему небесное и вечная благодарность, ладил под полом кухни не спортзал, а нормальный погреб, в котором поместился бы мешок картошки да с десятков банок с соленьями. Мог ли он предположить, что однажды в этом погребе будет спастись от смерти единственная и любимая племянница?..

Зажмурившись от боли, когда тысячи крошечных иголочек впились в замлевшие мышцы, Тина с трудом перевалилась на живот и прильнула лицом к малюсенькому отверстию в стене, забранному решеткой.

Вот что ее, собственно, спасло. Отверстие выходит в общий подвал. Там, конечно, душно, влажно, однако это какая-никакая, а все-таки вентиляция. И если учесть, что Тине худо-бедно удалось закрыть щели половичком, то смертоносный газ не проник в погребок, она хоть и лишилась сознания, но смогла отлежаться, отдышаться и даже очнуться.

Нет, наверное, дело не только в половичке и этой дырке в стене. Газ перестал поступать, вот в чем дело. Он, конечно, был очень силен, буквально сшибал с ног, однако запас его в этой плоской коробочке (теперь ясно, что это нечто вроде баллончика) оказался ограничен. И слава богу... Наверное, убийца рассчитывал на моментальный эффект.

А если бы она оставалась лежать на кровати, эффект уже был бы достигнут. Тина вспомнила, как падало, обрывалось сердце от того запаха. Оно просто остановилось бы, и те, кто потом когда-нибудь нашел бы ее, решил: смерть произошла от остановки сердца. Или какого-нибудь там спазма головного мозга, что, учитывая вчерашнюю аварию и воспринятый алкоголь, наверное, даже неудивительно.

– Зачем? – всхлипнула Тина. – За что?!

Звук собственного голоса показался страшен, и она сдержала слезы.

Очень может быть, что квартира уже перестала быть камерой смерти. Там всегда были очень сильные сквозняки – зимой это считалось сущим проклятьем! – не исключено, что газ вытянуло, и ей уже ничто не грозит.

Ужасно хотелось вырваться из этого самодельного склепа, все расшвыривая в стороны и вопя от животной радости жизни. И немало сил потребовалось Тине, чтобы усмирить свое рвущееся к чистому воздуху и свету существо. Потому что очень может быть, что все ее надежды – не более чем сладкие фантазии. И наверху ее ждет никакая не радость жизни, а совсем наоборот!

Она даже перекрестилась перед тем, как чуточку приоткрыть крышку и сдвинуть половик. И воздух не хватала полной грудью, а сперва сделала крошечный глоточек, словно пробовала опасное питье... Нет, это питье не было отравлено!

От щемящего счастья слезы хлынули потоком. Облегчение было таким огромным, что обессилило ее, и Тина еще какое-то время лежала на полу в кухне – ни о чем не думая, ничего не чувствуя, а просто так – тихо, слабо всхлипывая.

Потом ей стало холодно. Еще бы: целую ночь пролежать, можно сказать, в могиле, в одной только ночной рубашке да плащике!

Да, а ночь-то прошла, за окном светило солнце. День начинался чудесный!

Тина бросила взгляд на циферблат и ахнула: уже час дня! Вот это был обморок... настоящий летаргус. Неудивительно, что она чувствует себя так, словно вернулась с того света. По сути дела, это так и есть.

Странно, конечно: в воздухе не осталось даже намека на тот сладковатый, чуть гнилостный аромат, который едва не свел ее в могилу. Пахло неубранной посудой, чуть-чуть газом – в смысле, знакомым и родным пропан-бутаном, слегка – вином, оставшимся в рюмке Валентины... Вспыхнули в памяти откровения Виталика, сжала сердце вспышка боли, но тут же и отпустила.

Пожав плечами – между прочим, довольно трудно проделать это, лежа на полу, – Тина начала подниматься.

Было страшно выйти из кухни, а уж заглянуть в спальню... Тина беспомощно простояла несколько минут в коридоре, комкая у горла ворот плаща, потом, решившись, рванула дверь, бросила на кровать перепуганный взгляд – да так и ахнула: подушка была пуста.

...Она искала довольно долго: перевернула простыни, одеяло, подушки, даже в наволочку, даже под кровать не поленилась заглянуть. Потом задумчиво взглянула в окно.

Маловероятно, что человек, бросивший коробочку в комнату, вскоре после этого просочился сквозь решетку, чтобы забрать ее и уничтожить следы преступления. А уж если допустить это, следует пойти дальше и признать, что он непременно обшарил бы квартиру, не обнаружив холодного трупа ни на кровати, ни под ней. И нашел бы тайное убежище! Ведь при закрытой снаружи двери и охраняемых окнах ей просто некуда было деваться, кроме как провалиться сквозь землю!

И вдруг, влекомая внезапным подозрением, Тина пробежала через коридор и с силой крутанула ручку замка. Та повернулась как по маслу, дверь приотворилась, и порыв сквозняка коснулся босых ног.

Машинально заперлась, и вдруг ее шатнуло к стене. Опять зашло, зашло по-вчерашнему сердце...

Что это значит? Она ведь отлично помнит, как ломилась сюда ночью, а ручка замка стояла мертво, словно снаружи была заблокирована!

Ах, да все очень просто. Убийцы уверились, что с Тиной кончено, и ушли от двери. Только и всего.

Внезапный звонок заставил ее подскочить. И еще звонок, и еще!

Да ведь это телефон. Телефон, который ночью не работал!

Тина бросилась к аппарату и уставилась на него так пристально, словно не только вслушивалась в раздрающие ухо звонки, но и пыталась увидеть их.

Протянула руку к трубке... опасливо отдернула ее... а когда все-таки решилась поднять, звонивший, очевидно, уже утратил терпение: только короткие гудки были ответом на сиплое Тинино:

– Алло?..

Телефон, значит, работает. Дверь снаружи не заперта. На постели нет пустого баллончика. В воздухе нет даже намека на губительный газ. Раскрытый погреб и скомканный половик – вот единственные доказательства ночного кошмара.

Кошмара?.. То есть... страшного сна?

Ноги подогнулись, и Тина тяжело села на табурет. Прижала ладони к глазам. Ее разрывали два чувства: огромное, обессиливающее облегчение – и просто-таки лютая ненависть к самой себе.

Да... неудивительно, что Виталий периодически смотрел на нее как на сумасшедшую!

Эта ненависть к себе не оставляла Тину довольно долго и подвигла ее на свершение немалого количества бытовых подвигов. Она перемыла вчерашнюю посуду, затолкала в стиральную машину белье, и, пока умная итальянка удовлетворенно урчала, занимаясь любимым делом, Тина навела блеск во всей квартире. Убираясь на кухне, стыдливо отворачивалась от погребка и с особым тщанием прикрывала его половиком – этим памятником собственной дурости. Потом подкрепилась остатками вчерашнего копченого мяса и чаем, перегладила выстиранное и высушенное белье, подумав при этом, что отвращение к себе – чувство, оказывается, весьма продуктивное и в хозяйстве полезное. Обычно неглаженое белье копилось неделями, потому что гладить Тина терпеть не могла, а если она уж чего-то не любила, так не любила глобально, от всей души!

Наконец все дела были переделаны, ванна принята, дурная голова вымыта, и Тина стала посреди квартиры, рассеянно озираясь и отчаянно жалея, что больше делать нечего. Суета, как бесов, изгоняла остатки той жути, которая все-таки угнездилась во всех углах и с которой Тина ничего, ну ничего не могла поделать, как ни взывала к своему разуму и душевной (а также физической) трезвости. Да, да, да, глюки, вызванные, очевидно, коктейлем из легкого мозготрясения в сочетании с мартини и пренеприятнейшими разговорами. Тина уже замаялась повторять себе это, а по-прежнему было страшно.

Хотела заняться очередным полезным делом, поставив кассету «Элементарных навыков», замечательного сверхускоренного курса английского, однако кассету почему-то не нашла.

Включила телевизор.

– Страшная катастрофа произошла вчера около пяти часов вечера на пересечении улиц Калашникова и Стрелковой, – сообщила дикторша из телеканала «Диалог». – «Волга» на полной скорости врезалась в маршрутное такси номер сорок. К счастью, ни пассажиры, ни водитель «маршрутки» серьезно не пострадали, чего нельзя сказать о водителе «Волги». Им оказался Герман Серегин, директор печально известной фирмы «Элементарные навыки», в офисе которой недавно произошел страшный взрыв, унесший жизни четырех сотрудников и уничтоживший все имущество фирмы. Господина Серегина не было в офисе в момент взрыва, и вполне естественно, что у следственной группы, ведущей это дело, появились к нему некоторые вопросы. Однако теперь их едва ли удастся задать, ибо вчерашняя авария закончилась для Германа Ивановича весьма плачевно: он погиб. Информированные источники не отвергают версии о самоубийстве, однако, как нам стало известно, у Серегина было больное сердце, недавно он перенес микроинфаркт. Вполне возможно...

Тина рванулась и выключила телевизор. Только сейчас дошло, что речь шла о той самой аварии, в которой «участвовала» и она.

Ужас. Это ужас! Смерти, смерти, смерти...

Она заметалась по комнатам и вдруг почувствовала, что не может больше сидеть дома.

Но стоило представить, как страшно будет ходить, озираясь, по улицам, а потом возвращаться в населенную призраками квартиру...

Тина стояла посреди комнаты, чувствуя себя одновременно лебедем, раком и щукой, как вдруг снова зазвонил телефон.

Взяла трубку и буквально заставила себя прижать ее к уху, хотя ей так хотелось держать ее на расстоянии, словно оттуда мог раздаться «контрольный выстрел».

– Ал-ло?..

Фу, как дрожит голос, слушать противно!

– Тина?

– Да... Виталий, здравствуйте.

– Ох... – У него вдруг сел голос. – Ну, слава богу!

– А что такое?

– Да что-то вдруг за вас переволновался. Понимаете, меня тут совесть поедом ела, ну, я с самого утра начал вам названивать, чтобы извиниться. Буквально с семи часов. Вас что, дома не было?

Тина пожала плечами. Что сказать? Если она лежала под полом собственной квартиры, это как считается, была дома она или нет?

– А, просто я на ночь отключила телефон, да и забыла об этом, – наконец-то вывернулась. – Только сейчас включила, а тут и вы позвонили.

– Тиночка, вы меня простите, Христа ради, за вчерашнее, – покаянно сказал Виталий. – Честное слово, сам не знаю, чего это меня вдруг понесло!

– Да ну, чепуха, не будем больше об этом говорить, – промямлила Тина, мучительно придумывая, как бы затянуть разговор, продлить это общение с живым, реальным и, в отличие от нее, вполне нормальным человеком.

Чудилось, от звуков голоса Виталия даже в углах посветлело. Еще чуть-чуть, и кошмары окончательно уберутся туда, откуда пришли.

– Как насчет погулять, а, Тина? – осторожно спросил Виталий. – Погода, как говорится, шепчет!

У нее радостно дрогнуло сердце. Конечно! Конечно! С ним-то не будет страшно на улице. И потом Виталий ее, конечно, проводит, и она пригласит его зайти и будет занимать разговорами, пока не убедится, что дома вполне безопасно, никто не прячется ни в шкафах, ни под кроватью, никакое Кентервильское привидение не бряцает кандалами... или чем оно там бряцало, просто костыми? А если Виталий опять начнет...

Тина поморщилась, обнаружив, что ради избавления от ночных страхов она даже готова позволить Виталию некоторые вольности... о, самые маленькие, конечно!

Ладно, об этом сейчас она думать не станет, она подумает об этом потом. А пока с радостью согласилась:

– Охотно прогуляюсь. Где встретимся?

– Давайте за город съездим, хотите? – предложил Виталий. – До темноты еще далеко, вполне успеем насладиться какими-нибудь бескрайними просторами. Сделаем так: вы оденьтесь и поглядывайте в окошко. Я подъеду – вы сразу выйдете. Где-то минут через пятнадцать-двадцать, идет?

Тина выразила согласие, положила трубку и ринулась одеваться.

За город – это значит одеться по-походному, что ли? Но ведь, с другой стороны, они не на пикник едут, да и машина у Виталия, наверное, столь же представительная, как и он сам.

Тина потянула было из шкафа любимое платье, однако пожала плечами: совсем не обязательно наряжаться. А то Виталий еще возомнит что-то... Нет уж, за город так за город, побродить, как говорится, по росистой траве...

Вытащила из шкафа любимые джинсы. Они подчеркивали все достоинства фигуры не хуже облегающего платья, да и кроссовки были очень даже ничего. Нашла тонкий серый джемпер с глубоким треугольным вырезом и почувствовала себя одетой и нарядно, и, что гораздо важнее, вполне уместно.

Глянула в окно.

Слава богу, на лавке у крыльца пусто. Никто не качает коляску с младенцем, не обшаривает алчным взором всех входящих-выходящих. Конечно, нет гарантии, что досужие соседки не прилипнут к окошкам, чтобы понаблюдать, как Тина садится в чью-то машину, не износив, так сказать, и башмаков, в которых...

Зря она согласилась, чтобы Виталий подъехал к подъезду. Ни к чему это. Лучше было встретиться за домом.

Так за чем дело стало? Надо пойти и дождаться его там.

Тина заперла дверь и вышла на крыльцо. Постояла минутку, с удовольствием вдыхая прогретый солнцем, напоенный запахами весны воздух, – и вдруг что-то словно толкнуло ее в сердце.

На въезде во двор, как раз там, где Тина собиралась ждать Виталия, стояла какая-то женщина.

Ну, стоит и стоит – подумаешь, что в этом особенного? Почему дрожь прошла по телу и вдруг заволокло ненавистью глаза при виде этой худощавой длинноногой фигуры?

Женщина повернула голову и взглянула на Тину.

Эти плотно облегающие изящную головку черные пряди, эти удлиненные глаза, вызывающая улыбка на губах...

Она! Та самая девушка, подруга Валентина!

Зоя.

* * *

Она смотрела прямо на Тину – вызывающе, нагло. И вдруг, неожиданно прозревшим сердцем, та поняла: все, что вчера вечером говорил ей Виталий, – ложь. Он или сознательно врал, или сам был введен в заблуждение и послушно пел с чужих слов. Правда же состояла в том, что на холме Сакре-Кер произошло убийство и каким-то непостижимым образом Тине стало известно об этом.

Зоя?.. Как бы не так! Наверняка это псевдоним для простачков вроде Виталия. Зоя! Да, конечно! Любовница... Ну-ну.

О, как помнила Тина выражение опьяняющей победы, вспыхнувшее в глазах девушки, когда первый же выстрел отшвырнул Валентина на спинку скамьи! Сейчас эта Зоя, или как ее там, смотрела так же победительно, прекрасно понимая, что Тина разрывается между двумя желаниями: считать себя сумасшедшей, отвернуться, сделать вид, будто ничего не произошло, – и броситься на странную и страшную незнакомку, схватить, встряхнуть из нее все, что той известно о загадочной гибели Валентина.

Ах, если бы сейчас приехал Виталий! Ну почему, почему он задерживается!

Девушка вдруг плавно повела рукой в воздухе. Она ведь машет на прощанье, вдруг поняла Тина. Она уйдет сейчас... Уже ушла!

Не помня себя, Тина слетела с крыльца и кинулась через двор. Она выскочила за угол как раз вовремя, чтобы увидеть, как Зоя садится в поджидавшую ее машину. Разумеется, это был тот самый обнаглевший «Ленд-Круизер».

Тина огляделась. Где Виталий, черт его возьми? Как он нужен сейчас!

Что делать? Подождать его? Он может, конечно, задержаться; может и подъехать с минуты на минуту. Но у Тины нет этих минут! «Ленд-Круизер» удалялся – неудержимо. Мигнул огонек левого поворота. Сейчас исчезнет за углом – и поминай как звали!

Тина выскочила на дорогу.

– Стойте! Стойте!

Какой-то «Форд» скрипнул рядом тормозами.

– Барышне жить надоело? – спокойно поинтересовался широкоплечий парень в «лужковской» кепке и темных очках.

– Пожалуйста, – выдохнула Тина, трясущимися руками вцепляясь в дверцу, – скорее... Мне нужно нагнать ту машину! Умоляю вас!

Он молча уставил на нее непроницаемые стекла.

Тина содрогнулась, остро вспомнив, как однажды уже пыталась преследовать Зою – и как бездарно все сорвалось из-за скупости водителя. Кто гарантирует, что и этот?..

– Догнать? – переспросил человек в кепке. – Да запросто! Ну, садись, поехали.

Не веря своему счастью, Тина скользнула на сиденье – и ее тотчас прижало к спинке, когда «Форд» с места взял скорость.

Он не жалел сил, и можно было только удивляться, почему не догнал «Круизера» уже сразу. Хотя тот ведь тоже не дремал. Тина не успела моргнуть, как они достигли площади Свободы и помчались по улице Горького. Новый поворот, новый объезд – и вниз, круто вниз, к мосту, на другую сторону Волги. Мост... ярмарка... слева остается вокзал и станционные пути, впереди открывается Московское шоссе, по вечернему времени и выходному дню почти пустое – идеальное место для гонок!

– Имей в виду, – невозмутимо сказал вдруг водитель «Форда», – здесь их догнать – плевое дело. На таран пойдем?

Тина взглянула на него дикими глазами.

– Понимаю, – согласился водитель. – Да и машинку жалко. Ну а тогда – что? Ты хоть знаешь, чего хочешь?

При звуке его трезвого, спокойно-равнодушного голоса (казалось, этого человека вообще ничто не способно вывести из себя!) туман возбуждения несколько развеялся в глазах Тины, и голова у нее чуть-чуть поостыла. Только теперь она дала себе труд задуматься над тем, что, собственно, затеяла, а главное – для чего?

Сейчас, вне дома, под пристальным сверканием очков водителя она поняла, что выглядит не просто глупо – очень глупо! Вернулись прежние сомнения. Тоже мне, нашлась ясно-видящая! Все это здорово напоминает какой-то фильм, в котором отставная любовница (или жена?) преследовала вот так же, на случайной попутке, соперницу, желая непременно поймать ее и неверного любовника (или мужа?) на месте преступления, и до того допреследовалась, что обе машины попали в аварию, и предмет дамских споров потом навещал своих дам в одной палате. Финала этой чуши Тина не знала – как, впрочем, не знала и финала той сцены, которую готовила сама. Доподлинно известно одно: эта барышня не спешит на свидание с Валентином! Едет небось домой со своим новым ухажером – и в ус не дует, не подозревает, что обсмеянная ею Тина ринулась в погоню... похоже, не зря обсмеянная!

– Ого, – негромко сказал человек в кепке. – Кажется, они заметили «хвост».

Тина заерзала, оглядываясь.

– Да нет, – с досадой пояснил водитель, – это мы – «хвост», это нас заметили!

– Почему вы так думаете?

– Во-первых, они уже который раз из ряда в ряд переходят, а как только я пристроюсь за ними, снова ряд меняют. И вообще, в движении «Круизера» ощущается некая нервозность.

Тина взглянула на него с уважением, только сейчас начиная осознавать, как ей повезло. Так вдруг, ни с того ни с сего, ввязаться в чужие проблемы... На это способен далеко не всякий! И, главное, он еще ни словом не обмолвился об оплате, даже не поинтересовался, есть ли вообще у шалой пассажирки деньги оплатить мероприятие! Конечно, не исключено, что в конце концов он назовет какую-нибудь несусветную сумму, а то и вовсе потребует расчета натурой... Может быть, пора прекратить это бессмысленное путешествие, пока оно не завело Тину слишком далеко? В смысле, не завезло...

Но тут все ее благоразумные намерения развеялись в прах, потому что «Ленд-Круизер» резко вильнул с шоссе в сторону – и исчез из глаз.

Было что-то трусливое в этом торопливом бегстве – даже сигнала поворота не дали! Они не просто хотели избавиться от докучливого «хвоста» – они определенно чего-то боялись!

– За ними! – коротко выдохнула Тина, хотя вполне могла бы и промолчать: «Форд» уже вписался в резкий поворот, и в поле зрения снова показался тяжелый зад «Ленд-Круизера».

«Вставил-таки новое стекло!» – с ненавистью подумала Тина, почему-то лишь сейчас осознав это.

На обочинах мелькали крепенькие домики за высокими глухими заборами. Слободка была явно зажиточная. Неужели сейчас в один из этих гаражей, которые стоят чуть ли не возле каждого дома, вильнет «Ленд-Круизер»? И что тогда будет делать Тина?

Нет... бордовый мастодонт упорно пылил вперед. И тут Тина заметила, что его возможный путь изрядно сократился в размерах: проулочек-то оказался тупиковым! В конце его, огражденный забором, высился какой-то недострой, и «Ленд-Круизер» уже въезжал в приоткрытые ворота.

Словно бы красный свет ударил вдруг по глазам Тины, а в мозгу взвыла сирена, предупреждая об опасности.

– Остановите! – крикнула она, но поздно: водитель, очевидно увлекшись погоней, уже свернул за забор – и тут же резко тормознул, едва не врезавшись в «Ленд-Круизер», перегородивший дорогу.

Тину швырнуло вперед, к ветровому стеклу, она больно ударилась грудью, но даже не заметила этого, расширенными глазами уставившись на Зою, которая уже выбралась из машины – и не одна, а в сопровождении знакомого громилы.

Только сейчас до Тины дошло, чем может закончиться для нее эта гонка...

– Назад! – в панике крикнула она, поворачиваясь к водителю, однако тот спокойно выключил зажигание и, сняв очки, задумчиво взглянул на нее узкими холодными глазами, слегка раздвигая в улыбке твердые губы:

– А по-моему, приехали!

Тина беспомощно уставилась на него, не чувствуя ни страха, ни даже удивления, только холод, холод во всем теле, и еще злобу на себя: надо же так глупо, так невыносимо по-идиотски влезть в расставленную ей ловушку.

И, главное, какая примитивнейшая маскировка! Кепка и очки совершенно преобразили бритоголового, которого Тина видела сначала на холме Сакре-Кер, а потом – верхом на мотоцикле, к которому бежала возбужденная, довольная собой Зоя, весело размахивая добычей: светло-коричневым портфелем...

И, глядя в эти ледяные глаза, Тина вдруг остро ощутила нереальность и вопиющую неправдоподобность происходящего. Такое могло произойти в голливудском фильме или в одном из безумных романов любимого Бушкова – ну, на худой конец, в Москве, столице всякого и всяческого криминала! Но чтобы в Нижнем Новгороде – провинциальном, несмотря на все эскапады «молодого реформатора», традиционно-замкнутом – не только из-за годами действовавшего статуса «закрытого города», но и благодаря складу характера здешнего народа. Тина не могла подобрать точных слов, просто в голове не укладывалась эта смесь французского с нижегородским, которая начала вдруг разворачиваться вокруг нее!..

Однако, верь не верь, а приходилось признать за факт видимое, слышимое, ощущаемое: дверца рядом с нею открылась, туда просунулся сопровождавший Зою громила, вцепился Тине в плечо и одним рывком выдернул из машины.

Она упала на сырую, утоптанную землю – и сразу увидела возле самого лица пару длинных стройных ног, обтянутых черными блестящими чулками, обутых в отличные черные туфли с какими-то детски-скромными пуговками сбоку.

Тина еще успела удивиться этой внезапной остроте восприятия, потом мелькнула мысль, что такое, как говорят, приходит к человеку в последние минуты жизни, когда и впрямь обостряются все чувства, – и вскочила.

О нет, она не собиралась бросаться на убийц или молить о пощаде. Первое было бы сразу обречено на провал, второе... Второго просто не могло быть – никогда, ни за что, поняла вдруг Тина, и вспышка ослепительной ярости высветила это понимание. Но она не хотела получить пулю лежа, как безвольная, распластанная жертва, потому и поднялась.

Похоже, в этой команде право убивать принадлежало только Зое. Мужчины стояли – руки в карманы, довольно-таки безучастно наблюдая за происходящим.

С трудом оторвав глаза от гипнотизирующего тускло-черного проблеска на стволе направленного на нее пистолета (опять-таки – невозможно, невыносимо было показать им свой панический страх!), Тина обвела взглядом стройку.

Да, место для убийства выбрано удачно. С десятков трупов можно «захватить» – и никто никогда не найдет.

Типичнейший долгострой. Рабочие здесь не появлялись самое малое год – и неведомо когда появятся. Нет никакой надежды, что откуда-то вдруг вывалится какая-нибудь бригада коммунистического труда – разве что из гиперпространства! – или, на худой конец, забредет сердитый сторож. Хотя вряд ли чье-то несвоевременное появление испугает убийц, им проще будет оставить еще один труп, чем отказаться от задуманного.

А чудеса случаются только в кино. Глупо мечтать, что в ворота вдруг ворвется Виталий, который, оказывается, увидел, как Тина садится в незнакомый «Форд», и украдкой преследовал ее, чтобы оказаться в нужное время в нужном месте и спасти ей жизнь. Небось мечется возле дома, звонит в ее квартиру, не понимая, куда подевалась, не зная... не зная главного – Тина была права, тысячу раз права!

Неужели ее хотят убить именно потому, что Виталий «кому не надо» рассказал про сон? Ляпнул где-то – и обрек, сам того не ведая, Тину на смерть...

А может быть, все проще? Может быть, уничтожив Валентина, убийцы теперь методично выпалывают всех, кто был к нему близок? Предположим, Валентин знал нечто такое, чего не должен был знать. И, чтобы эти сведения не пошли дальше, должны умереть все, кому он предположительно мог их передать. Теперь настала очередь Тины. А скоро пробьет час Виталия... если уже не пробил!

– Ну, долго мы тут еще будем торчать? – послышался недовольный голос бритоголового, и Тина качнулась, как от толчка.

Сколько времени она стояла так, погрузившись в мысли, которые лихорадочно отщелкивали секунды, минуты оставшейся ей жизни? Поразительно, сколько всего успевает промелькнуть в голове перед смертью! И все это время Зоя стояла напротив, не отрываясь от глаз Тины, словно впивая, впитывая в себя предсмертную сумятицу ее чувств.

Вот точно так же было и на холме Сакре-Кер, когда Зоя неотрывно смотрела на Валентина, а бритоголовый нетерпеливо подтолкнул ее локтем: давай, мол, не тяни! Очевидно, работа у него такая: поторапливать убийцу, которая до того увлекается созерцанием жертвы в ее последние мгновения, что даже забывает о работе.

Машину для убийства заедает... Нет, скорее для Зои в этом созерцании существует особый наркопсихологический кайф!

– Стоп! – вдруг резко сказал бритоголовый. – Спрячь оружие!

В следующий миг пистолет исчез из глаз, однако карман легкого Зоиного плаща выразительно топорщился, и Тина понимала, что пуля по-прежнему стережет каждое ее движение.

Она оглянулась – и увидела то, что насторожило убийц.

В ворота один за другим влетели два осанистых «Паджеро», а из них горохом посыпались не менее чем десяток парней: все, как один, накачанные, с каменными лицами, одетые, будто школьники застойных лет – в одинаковые короткие куртки и мешковатые штаны.

Они разбежались по стройке, заглядывая во все углы, проверяя каждый штабель бетонных оббитых плит, каждую грудку слежавшегося мусора. И вдруг один из них с недоумением замер перед группой людей, стоявших возле двух машин.

– А это еще кто? – пробормотал он с таким видом, словно не верил своим глазам. – Эй, Гаврик!

Высокий парень, для разнообразия облаченный в черный помятый плащ, до этого стоявший около «Паджеро» и что-то говоривший водителю, обернулся, вскинул голову – и на миг обмер. Но тут же захлопнул дверцу автомобиля и с хищным выражением шагнул вперед.

– О-го!.. – сказал он негромко, отработанным движением выхватывая из-под плаща пистолет. – Конкурирующая фирма? Что ж вам, ребята, дома не сидится, а? Сказано: «стрелка» в шесть, значит, в шесть, а вы какого черта в такую рань приперлись?

Другие боевики, тоже заметившие наконец чужих, подтянулись к Гаврику, который выражением угрюмого «лика» мало напоминал своего благостного небесного покровителя. Да и у прочих лица были угрожающие, руки спрятаны под куртками.

– Ребята, ошибка вышла, – миролюбиво сказал Зоин водитель, выступая вперед и протягивая раскрытые ладони, словно какой-нибудь первобытный Нао, Нам или Гав, желающий убедить представителей другого племени в отсутствии враждебных намерений. – Мы ни сном ни духом... Мы тут вообще случайно. Девочкам отлить приспичило, вот и зарулили в первый попавшийся двор. Так что тихо, не надо сердиться, мы никому не хотим мешать, сейчас же делаем ноги. Девочки, а ну, по машинам, быстренько!

Зоя, сияя невинной белозубой улыбочкой, шагнула к «Ленд-Крузеру». Бритоголовый, сузив глаза, подступил к Тине, тесня ее к «Форду».

– Гаврик, – послышался в это время вкрадчивый голос, – полагаю, ты не спорешь такой глупости и не отпустишь этих бекасов? Чего они нам тут дядю Сарая строят?!

Худой невысокий человек выбрался из первого «Паджеро» и сделал шаг к эпицентру событий. При звуке его тягучего голоса боевики сделали явную попытку вытянуться во фронт.

Да, это был человек рангом повыше остальных. А то и двумя!

Легкое кашемировое пальто (несмотря на теплый вечер) дивного жемчужно-серого цвета и нежное кашне подчеркивали принадлежность к «высшей касте». Но главное, что внушало с первой минуты страх даже случайному человеку, – это его тощее, застывшее лицо и звук голоса. Больше всего незнакомец напоминал оживший, отмытый и приодетый труп, который еще не забыл человеческую речь, но голос его уже успел утратить всякие живые интонации.

– Борзые ребята, а? – усмехнулся человек в сером. – Не я буду, если это не люди Аллаха. А ну, Гаврик, вдарь-ка им по батареям. Может, перестанут лапшу навешивать.

– Ребята, все тип-топ, – бормотал Зоин водитель, ввинчиваясь в «Ленд-Крузер» с поразительным проворством. – Мы уже уехали! Нас уже нет!

Бритоголовый со зверским выражением лица толкнул Тину к «Форду», да так, что она едва не пропахала землю носом.

«Нет уж! Больше я в этот «Форд» не сяду! Это все равно что самой голову в петлю сунуть!» – решила Тина.

И, не успев даже понять, что делает, она метнулась в сторону, обогнула остолбеневшего Гаврика и повисла на шее человека в сером пальто.

* * *

Нет, пожалуй, это чересчур сильно сказано – повисла на шее. Все-таки он был сантиметров на десять пониже, а что касается телосложения... если бы Тина решилась примерить его просторное пальто, оно оказалось бы ей не только коротко, но и узко.

То есть со стороны это выглядело так, словно она просто-напросто сдавила этот оживший труп в объятиях, отчаянно вереща:

– Серый Папа! Дорогой! Папочка! Приветик!

Откуда, из каких бездн подсознания выпал этот образ?! Тина и сама опешила на миг. Если бы у нее было время разбираться, она бы постепенно сообразила: это, кажется, единственная блатная кличка, которую она знает, а в том, что вокруг собрались «братки», можно не сомневаться. «Братки» приехали на «стрелку»... Человек, в которого вцепилась Тина, был одет в *серое* пальто. А именно гневом какого-то *Серого Папы* грозил водитель Зои тогда, на остановке. Так что логическая цепочка выстраивалась верно!

Разумеется, Тина не думала над тем, как и почему сплелись ее звенья. Она просто сказала то, что сказала, сделала то, что сделала...

Того, что боевики откроют огонь, Тина не опасалась: рискуют прикончить шефа! А поскольку тот на миг сделался безвольной игрушкой в ее руках, она умудрилась развернуть его и прикрыться от возможного выстрела Зои или ее «кавалеров».

Конечно, можно было ожидать выстрела в бок через этот чудный кашемировый прикид, потому что незнакомец вряд ли испытывал хоть какое-то удовольствие от внезапных объятий. Однако, к изумлению Тины, «труп» оставался нем, безгласен и как бы даже равнодушен к тем манипуляциям, которые проделывались с ним. Мелькнула жуткая мысль, что Тина просто-напросто удушила его невзначай, однако тут же она уловила слабое дребезжание:

– Я не... не Серый...

Теперь это не был голос ожившего мертвеца. В нем звучало сколько угодно живых интонаций, но больше всего он напоминал голосочек первоклассника, который пытается найти общий язык с неумолимой училкой: «А я учил, Марь Ванна! Я учил!»

Сначала Тина даже ушам своим не поверила. Все чувства были обострены, как никогда, она прекрасно понимала, что играет в смертельную игру, потому что если это ничтожество сочтет себя оскорбленным...

Но в том-то и дело, что и в помине не было ничего похожего на оскорбленное достоинство! И в голосе звучало, и в воздухе витало только одно – страх.

Да-да. Как ни странно, испугался не только этот человечек, но и боевики, окружавшие их. Напряжение, чудилось, звенит, и не одна Тина содрогнулась, когда раздался негромкий щелчок открываемой двери и вкрадчивый голос произнес:

– Вот оно как, значит... Ну-ну!

Человек, которого держала в своих объятиях Тина, вздрогнул так, словно его тело прошила пуля, и рванулся на волю с неожиданным проворством. Тину отбросило в сторону, и она упала бы, не подхвати ее один из обладателей черных курток. Впрочем, он, кажется, сделал это чисто рефлекторно: все его внимание, как и прочих, было приковано к новому лицу, явившемуся из недр второго «Паджера».

Это новое лицо было плоским, костистым, лишенным всякого выражения, словно его хозяин тоже не прочь был считаться ожившим мертвецом. Да, правда, Тина вдруг поняла, что оно более всего напоминает череп, лишь слегка обтянутый бледной, нездоровой кожей.

На макушке черепа чернели редкие прядки тщательно уложенных волос, тощая шея торчала из голубого кашне. Похоже, обостренная холодовая чувствительность была здесь общим

свойством, потому что явившийся был облачен в пальто цвета кофе с молоком, которое болталось на его тощей долговязой фигуре, как если бы было надето на перевернутую швабру.

Однако ничего-ничего смешного ни во внешности, ни в повадках незнакомца не было и близко. Этот человек внушал ужас.

– Се-рый Па-па... – задумчиво повторил он. – Ну, протащился я... на полную катушку протащился! Спасибо, как говорится, за доставленное удовольствие! Нет ничего тайного, что не стало бы явным, так, что ль, Поддужный?

И, резко взмахнув рукой, он впечатал кулак в лицо застывшего от ужаса первого «мертвеца».

Тина отчетливо различила омерзительный чавкающий звук – и узкогубый рот Поддужного окрасился кровью. Понадобилось некоторое время, чтобы понять: сверканье, сопровождавшее жест второго «мертвеца», было вовсе не сверканием дорогих перстней. Это блеснул кастет.

Против ожидания, Поддужный не возопил возмущенно, не начал ответно махать кулаками, даже не пикнул от боли. Стоически снес удар, он вдруг как-то совершенно по-женски заломил руки и метнулся к ударившему, бормоча:

– Папа, папа... да нет, ты не понял!

И захлебнулся кровью от нового удара.

«Папа?!»

Тина слабо качнула головой. Крепко же она промахнулась... попав при этом в «десятку»! Так вот же он, настоящий Серый Папа! Наверное, это и впрямь крупный авторитет, если перед ним так трясется Поддужный. И, похоже, Серый Папа очень ревниво относится к своей славе, которую Тина так лихо приписала другому.

Идиотизм спровоцированного ею недоразумения сделался вдруг до того оглушительно ясен, что Тина едва сдержала нервическое и, конечно, совершенно неуместное хихиканье.

Пожалуй, не следует вмешиваться в выяснение отношений, которое поглотило всеобщее внимание. Даже Зоя и ее сообщники как замороженные устали на разгневанного Серого Папу. Кажется, до Тины сейчас никому нет дела, и если она тихонько шагнет за этот «Паджеро», а потом ухитрится перебежать за другой, то у нее появится шанс добраться до ворот, а там и...

Нет, вряд ли. Это не меньше десяти шагов. Чья-нибудь пуля догонит!

– Ну что, отморозок? – своим пугающе-приветливым голосом произнес между тем Серый Папа, сверля взором незадачливого Поддужного. – Чего сопли распустил? Молчать! – гаркнул он вдруг. – Никаких романов тискать мне не надо! Ссучился, продал, продал! На вольные хлеба решил податься? А Папу, который вспоил, вскормил, приютил, когда ты, недоносок, не знал, куда слинять, – теперь что, побоку? А вот хрен тебе, понял? Завалился, завалился ты! Валерик, а ну-ка дай ему между ног!

Поддужный вдруг сгорбился, прикрыл руками... но не означенное место, а почему-то голову. Очевидно, здесь имели место непостижимые для Тины тонкости «фени». Или, может быть, Поддужный со страху перепутал части своего тела?

Тут Серый Папа жестом остановил боевика, который уже шагнул было исполнять поручение, и хмыкнул:

– Ты чего задержался, братила? Облажался – так стой, пока мухи не объедят. Все, корешок... Хана! Сейчас ты у меня всерьез заскучаешь! Своими руками... – Он резко выставил ладонь, и огромный Валерик проворно сунул в нее пистолет. – А бесовку твою всепогодную братве отдам. Прощайтесь, голуби!

Поддужный обратил к Тине белые от ненависти глаза. Рука его скользнула за пазуху – и, мгновенно поняв, что сейчас произойдет, она с неожиданным для самой себя проворством метнулась за автомобиль и припала к широкому, тяжелому колесу.

И вдруг послышался рев моторов, сквозь который прорвался отчаянный крик Поддужного:

– Аллах!

«Разве он мусульманин?» – мелькнула мысль, а в следующее мгновение Тину оглушил грохот автоматных очередей.

Полумертвая от ужаса, она сжалась в комок, пытаясь втиснуться разом и в землю, и в колесо, закрывая уши ладонями, но все равно слышала, как режут моторы, визжат тормоза, грохочут выстрелы, кричат люди, все равно чувствовала, как содрогается, будто живой, спаситель-«Паджеро»...

Казалось, это длилось невыносимо долго – и вдруг все стихло. Только кто-то жалобно поскуливал рядом, будто брошенный щенок.

Не скоро осмелилась Тина поднять голову, разогнуться... не скоро поняла, что никакого щенка здесь нет: это она сама скулит и подвывает в животном отупляющем страхе.

Пыль висела в воздухе. Заходящее солнце мирно пронизывало ее своими лучами...

Тина наконец-то решилась высунуться из-за колеса – и вдруг встретила взглядом с Поддужным. Отпрянула, слабо вскрикнув...

Он лежал на земле и смотрел прямо на Тину бесцветными немигающими глазами. Пальцы были сомкнуты вокруг рукоятки пистолета. Уютно уютив голову на ноги Поддужного, лежал и Серый Папа. Он показался Тине странно длинным... Узнала она его только по шикарному пальто, потому что половина лица была разворочена пулями.

Тина вновь припала к знакомому колесу, и ее вырвало. А потом еще раз, и еще – когда она увидела, что весь двор завален трупами...

Все боевики Серого Папы легли рядом со своим атаманом. Их количество было увеличено еще на две боевые единицы. Бритоголовый полусидел, свесив голову и привалившись спиной к изуродованному пулями «Форду». Рядом в луже крови валялся шофер Зои. Но она сама, а также «Ленд-Круизер» бесследно исчезли...

Слабо содрогаясь от спазмов в опустошенном, чуть ли не наизнанку вывернутом желудке, Тина стояла посреди этого кровавого ада и тупо озиралась.

Вряд ли одна Зоя могла устроить здесь такое кровавое побоище. Это уж слишком даже для нее... Да и с чего ей убивать своих? К тому же она не исчезла бы, не удостоверившись, что Тина тоже мертва. Скорее всего эта жуткая красавица, забыв обо всем на свете, панически бежала... от кого?

Да от тех, кто прикончил Серого Папу и всех его «братков»? Что это там говорили Гаврик и Поддужный, заведя на стройплощадке чужих? Конкурирующая фирма... и потом этот душераздирающий вопль: «Аллах!»

Что-то такое она слышала раньше: знаменитый глава татарской мафии Аллах... неужели он и его «пророки» нечаянно спасли Тине жизнь?!

– Аллах акбар... – пробормотала она, и вдруг ужас происшедшего, а еще больше – не происшедшего, начал доходить до нее.

Схватившись за голову, Тина метнулась к воротам, желая одного, только одного: оказаться как можно дальше отсюда. И замерла.

Нет, через ворота убежать нельзя. От них ведет единственная улица. Кто гарантирует, что сейчас по ней не возвращается знакомый «Ленд-Круизер»?

«Как узнать киллера? – По контрольному выстрелу!» – выплыл вдруг из памяти жуткий анекдот, и перед глазами возникло красивое холодное лицо с маниакально расширенными зрачками.

Зоя! А вдруг она вернется проверить, как там дела у ее бестолковой жертвы, и произвести этот самый контрольный выстрел?

Тина резко повернулась и побежала вдоль дощатого покосившегося забора. Не бывает такихстроек, в заборе которых не нашлось хотя бы одной сломанной доски. Вот и она... вот она!

Не чувствуя острых заноз, Тина скользнула в щель – и едва не сорвалась в овражек, полный рыжеватой глинистой мути.

Осторожно обошла его и по узенькому проулочку ринулась бежать, оставляя позади зловеющий забор и все, что за ним скрывалось.

Она шла и шла, путаясь в переплетении переулков, то упираясь в тупики, то вновь выбираясь из них. Было еще светло, и Тина надеялась, что выберется отсюда до темноты.

Разболелась голова. Ничего страшного! Болит – значит, Тина еще жива.

Она с трудом верила в это и порой вдруг начинала лихорадочно ощупывать себя руками, как бы удостоверяться, что все на месте. А иногда плакала – тихо, обиженно, негодуя на судьбу, которая вдруг ни за что ни про что ввергла ее в этот кошмар. Нет, в самом деле, – ну почему все это должно было случиться именно с ней?!

Потом слегка успокаивалась – и думала, что все могло быть хуже, нельзя гневить Бога (или Аллаха?)...

Разумные доводы помогали, но ненадолго: страх все крепче сжимал вокруг Тины свои удушливые кольца.

Наконец впереди замаячило просторное шоссе, но вместо того, чтобы радостно броситься вперед, Тина нерешительно замялась на обочине.

Она не могла заставить себя выйти из плена лабиринта, дойти до остановки, сесть в автобус, поехать домой. А если Зоя уже поджидает ее там?

Может быть, прямиком в милицию? Нет... еще неизвестно, поверят ли ей. И, во всяком случае, душу вытрясут, пытаясь все подробности разборки, свидетельницей и даже участницей которой она стала. Вновь окунуться в жуткие воспоминания? Да и вообще Тина как-то не была расположена выдавать своих нечаянных спасителей, а без упоминания Аллаха вряд ли обойтись.

Она прислушалась. Что-то не вспарывают воздух милицейские сирены! Похоже, никто в соседних со стройкой домах не поспешил сообщить о случившемся, последовав принципу «моя хата с краю». А не последовать ли и Тине этой проверенной веками мудрости?

Она затравленно огляделась – и ахнула, увидев болтающийся на столбе грибок телефона-автомата. Надо позвонить Виталию, вот что надо сделать! Он небось не знает, что и думать, ждет ее, ищет, беспокоится. Надо попросить его приехать, забрать ее. В конце концов, именно он виноват в неприятностях, свалившихся на Тину. Брякнул где не надо про ее сон – и вот вам результат! Кстати, Виталий и сам теперь в опасности. А вместе им будет легче выбраться из этой истории.

Тина кинулась к автомату.

О чудо! Телефон работал, и вдобавок был из старых, бесплатных. Какое счастье, что цивилизация еще не добралась до этого уголка!

Так... 199-43-26. Как долго не соединяется! Ну вот – занято. И опять занято! Виталий, ну как ты можешь с кем-то болтать, когда, быть может, жизнь Тины (и не исключено, что твоя собственная!) зависит от этого звонка?

О господи, а вдруг он уже вернулся домой и отключил телефон? Нет, вот наконец-то нормальные гудки. Слава богу! Слава богу!

– Алло? Алло? – Голос Виталия – нетерпеливый, настороженный. – Слушаю!

– Ви... Виталий, – пискнула Тина. – Это я...

– Ти-на? – выдохнул он хрипло. – Ты? Нет, правда?!

– Конечно. А что тут такого?

– Привет! Да я тут уже два часа бегаю вокруг твоего дома, как верный пес. Второй вечер подряд! Как бы в привычку не вошло. Что, опять твоя «маршрутка» перевернулась?

– Ох, если бы! Со мной такое было! – Она задыхнулась, попыталась откашляться – и вдруг поняла, что не может сказать о случившемся ни единого толкового слова. Из горла вырывались бессвязные звуки, Тина вся дрожала, заново переживая непрекращающийся кошмар этих суток. Кажется, начиналась истерика...

– Тина, Тина! – наконец-то расслышала она сквозь свои рыдающие хрипы усталый, отчаянный голос Виталия. – Ты где? Откуда ты звонишь?

– Не знаю! – всхлипнула она – и вдруг зашлась мелким, неостановимым смешком. И в самом деле – откуда-то звонит, но не знает, где находится. А вдруг этого места вообще нет на свете? И ее самой – тоже нет? Может быть, ее все-таки убили там, на стройке? Или – что еще интереснее! – никакой перестрелки вовсе не было, а погоня за Зоей и все прочее – лишь бред, рожденный в ее ушибленной головешке: такой же бред, как ночная «газовая атака»?..

– Тина, ты меня в гроб вгонишь! – яростно взревел ей в ухо Виталий. – Ты что, со вчерашнего вечера пьянствуешь? Такое впечатление, ты уж извини. Ну-ка, посмотри вокруг, сориентируй меня на местности, я за тобой приеду.

Да, это было бы самое лучшее! Несколько приободрившись, Тина вытянула шею, изо всех сил вглядываясь в сумерки.

– Где-то на Московском шоссе, – сообщила она. – Помню, что проехали сормовский поворот и дорогу на Костариху, потом ехали еще долго... По-моему, в направлении овощесовхоза.

Хорошо еще, что Виталий не начал допытываться, с кем и зачем она ехала!

– Ладно, – терпеливо сказал он. – Теперь опиши, что ты видишь вокруг.

– Несколько улиц частных домиков, – добросовестно информировала Тина. – Пустыри. Какие-то сараи. Торчит одинокая девятиэтажка, на первом этаже светится вывеска «Запчасти для иномарок»...

Странно, откуда это внезапное ощущение, будто она здесь уже бывала?..

– Дом панельный или кирпичный? – уточнил Виталий.

– Панельный, облезлый весь.

– Ну, более или менее понятно, – неуверенно сказал он. – Вернее, менее или более... Но я найду. Точно помнишь, что это именно Московское шоссе?

– Да что я, совсем, что ли? – обиделась Тина, всматриваясь в сумерки, пытаясь разглядеть еще хоть какой-нибудь ориентир, – и вдруг сердце застучало часто-часто, а в глазах все поплыло от внезапно навалившегося облегчения. Она вспомнила... вспомнила, где находится, и почувствовала себя так, словно добралась до обетованной земли.

– Там, напротив «Запчастей», ларек с надписью «Эльдорадо», – сказала, едва сдерживая радостное восклицание. – Я буду тебя ждать там.

– Что?! – изумился Виталий. – В ларьке? Но...

Но Тина уже повесила трубку: силы кончились.

* * *

– ...Да у меня всего-то рубля не хватает! – канючило, пытаясь влезть мордой в узкое окошко, какое-то несуразное существо. – Ну дай флакон, а?

– Пускай тебе твоя шмара дает, а меня за этот рублик хозяин удавит, – огрызнулась Света. – Так что, убогий, иди отсюда, и не просто иди, а быстро иди, понял?

Она задвинула пластиковую створку, и вокруг сомкнулась прежняя темная духота. Пахло пивом, яблоками и колбасой – ужином.

С подозрением поглядывая вслед незадачливому покупателю, который никак не хотел смириться с отказом и все бродил, причитая, вокруг киоска, Света со вздохом присела на сложенный из ящиков и прикрытый одеялом топчан рядом с Тиной. Та лежала, свернувшись калачиком, боясь лишний раз пошевелинуться, чтобы ящики не разъехались.

– Ты чего так сжалась? Замерзла, что ли?

– Прост-т-то з-зноб-бит, – выстукала зубами Тина.

– Да уж зазнобит тут! – Света сдернула с гвоздя ветровку и набросила на Тину.

Она почувствовала, как что-то тяжело ударило в бок.

– Ого! У тебя там что, камни?

– Нет, доски, – хихикнула Света. – В смысле, деревянные. Тысяч пять, не меньше. Сегодня хороший день был.

– Не слабо, – с уважением пробормотала Тина, ощупывая тугой сверток в кармане. – А не страшно с такими деньгами всю ночь? Не дай бог...

– Да Колян вот-вот приедет, заберет, – зевнула Света. – Как штык нарисует не позже десяти! А потом ко мне кто угодно может лезть, ответ будет один: берите из товара что хотите, а деньги хозяин увез, все вопросы к нему.

– Ох, как ты все это выдерживаешь? – сочувственно вздохнула Тина. – Каждый день на острие ножа...

– О себе подумай, дорогая, – хмыкнула Света. – На себя посмотри! У меня хоть работа такая, а ты ради чего страдаешь?

Тина, не ответив, зарылась лицом в неудобную крошечную подушечку.

Ой, как долго не едет Виталий! Наверное, уже почти час прошел. Или это просто время так тянется? Ее разморило после ужина, которым насильно накормила Света, сообщив, что еда – лучший транквилизатор. Нет, спокойнее не стало, всю по-прежнему колотит, только теперь еще и в сон клонит. Сейчас вздремнуть бы хоть часок, лучше – два, а идеально – три. Но ведь должен появиться Виталий... Пожалуй, зря Тина с ним сговорила. Здесь, у Светки, она может хоть до утра оставаться в полной безопасности и безвестности. Никому и в голову не придет, где ее искать, никакой Зое. А куда ее может отвезти Виталий? Домой? Нет, домой страшно. После того, что случилось сегодня, так и лезут в голову всякие глупости: мол, возможно, и не примерещилось Тине ночное покушение... Коробочка исчезла, да, но это еще ничего не значит. Ее ведь могло и вовсе не быть. Например, на подушку была брошена такая особенная штука, вроде испаряющихся освежителей воздуха. От них исходит запах, а сами они в конце концов бесследно исчезают. Только это обычно происходит очень долго, а то, что должно было убить Тину, испарялось весьма интенсивно. Оттого таким убойным был запах. И к утру она, конечно, умерла бы, но никто и никогда не догадался бы, что стало причиной этой внезапной смерти. Как говорится, скончалась скоропостижно, вот и все дела. Стало бы известно про вчерашнюю аварию – ну и...

В оконце заколотили так, что Тина подскочила.

Света настороженно приотворила маленькую щелку.

– Чего вам, ну? – прикрикнула сурово. – Несовершеннолетних не обслуживаем!

– Лучше калымить на Гондурасе, чем гондурасить на Колыме! – дурашливо гнусава, проорал мальчишеский голос, а потом темнота разразилась хохотом и топотом убегающих ног.

– Придурки! – хмыкнула Света. – Каждый вечер одно и то же. Напарница говорит, ей тоже покоя нет. Беспризорица! Сейчас кричат разные глупости, а подрастут – начнут ларьки грабить. Я тебе не рассказывала, что с Лариской было месяц назад? Стукнули среди ночи в дверь, говорят: «Лариса, привет!» Она спросонок решила, что Колян зачем-то вернулся, ну и возьми да открой. А ее ка-ак шарахнули по башке! Когда очухалась, киоск уже обчищен был. Конечно, ничего не скажешь, Колян человек благородный: не выгнал Лариску, у нее же двое детей все-таки, потихоньку вычитает из зарплаты. С тех пор – вон, видишь кнопку? – связь с

милицией установил. Вроде бы. А она то работает, то нет. А потом, и не знаешь, что лучше... Один раз понаехали гоблины – я их с перепугу вызвала, а уроды, которые сюда лезли, уже убежали. Ну, те давай водки требовать за ложный вызов...

– Гоблины – это кто? – испуганно спросила Тина. – Вроде я читала такую книжку фантастическую – «Заповедник гоблинов».

– Нет, это другие, – авторитетно заявила Света. – Гоблины – это омонцовцы. Менты, мусора – это по-прежнему милиция, а гоблины – новое слово. Удивительно – вроде бы в газете работаешь, а ничего не знаешь. Хотя ваша газета – для невинных младенцев! Я вот как открою, к примеру, «Нижегородские ведомости» или «Экспресс-газету», чувствую себя так, будто в общую камеру посадили. Запас нормальных слов меньше, чем у людоедки Элочки, зато всякой «фени» хренова туча. Вот спроси любое словечко – я тебе запросто объясню. Хотя ты небось и не знаешь ни одного...

– Отчего же. Сегодня очень интенсивно пополнила образование! – Тина села, зябко кутаясь в ветровку и натягивая на колени старый ватник. – Ой, как уже поздно! Наверное, Виталий никак не может нас найти...

– О, вон какой-то бензовоз подруливает, – припав к окошку, оживленно сказала Света. – Могучая тачка, видно, мужик денежный.

– Может, это вовсе и не он, – устало ответила Тина, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь залапанный пластик. – Ну-ка, приоткрой...

Она почувствовала прохладную струю вечернего воздуха – а потом вдруг ослепительно полыхнуло.

Тина отпрянула, вжалась в угол. Ящики от резкого движения разъехались, и она оказалась на полу, сильно ударившись копчиком. Взыла от боли. И еще что-то выло, визжало, страшно кричало рядом. А как жарко стало вдруг, просто нестерпимо! Тина машинально заслонила глаза локтем, боясь, чтобы их не выжгло. Едкий запах забивал в ноздри. Тина закашлялась. Будто что-то жарили, и оно подгорело...

Вдруг рядом железно гроыхнуло, потом с силой ударила волна прохладного воздуха. Сразу стало легче дышать, а истошный вой, вырвавшись наружу, отдалился.

Тина осторожно отвела от лица ладони и увидела огонь. Горели ее ноги... нет, прикрывавшая их ветхая телогрейка! И плавилась пластмассовые ящики. Пламя ползло по стенам.

Кто-то бросил в ларек бутылку с горючей жидкостью! Наверное, мальчишки, беспризорщина, или тот алкаш, которому не хватило денег!

Отбросив телогрейку, Тина метнулась к открытой двери. Споткнулась и упала на колени, больно шархнувшись плечом о косяк. И увидела...

Она увидела какой-то горящий сверток, который переваливался по земле с боку на бок, издавая истошный вой.

Света! Это Светка! Значит, вся жидкость выплеснулась на нее, и теперь она пытается сбить пламя!

Тина рванулась вперед, но не смогла встать, упала плашмя. Вскинула голову...

Из темноты выдвинулась мужская фигура. Незнакомец мгновение вглядывался в горящее существо, потом резко вытянул руку. Чуть слышный хлопок – и Светка перестала биться. Одежда по-прежнему полыхала, но это словно бы и не причиняло ей боли.

Человек огляделся, потом поднял что-то с земли. Длинный толстый сук. Орудия им, как кочергой, он перевернул горящее тело. Наклонился, всматриваясь...

Блики пламени заиграли на его сосредоточенном лице, и Тина на миг зажмурилась, не желая верить своим глазам. Но сейчас не время было предаваться ужасу. Помедлишь мгновение – и ляжешь рядом со Светкой... обгорелой Светкой, мертвой Светкой! И огонь, и пуля предназначались не ей. Вот сейчас убийца разглядит обугленное лицо и поймет свою ошибку!

Боясь дышать, Тина приподнялась – и, согнувшись, на цыпочках, выскользнула из тлеющего ларька.

Обогнула стенку, замерла.

Теперь она не видит убийцу, но и он не видит ее! А там, за пределами рваного огненного круга, лежит сплошная темнота. Спасительная темнота!

Стиснув зубы, Тина рванулась вперед, отчаянно надеясь, что ее шаги не слышны за треском пламени. Она летела во тьму, слепо вытянув руки, и судороги змеились по спине. Сейчас, вот сейчас ее догонит пуля! Сейчас...

Обогнула девятиэтажку и на миг приостановилась перевести дыхание. Из освещенных окон лилась тихая музыка. Кто-то смеялся. Эти люди... они даже не знают, что произошло! Они не знают, что Светка умерла. Что ее убили. Убил Виталий...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.